

Культурно-Историческая Библіотека

подъ ред. Проф. Д. И. БАГАЛЪЯ.

□ □ □ □

*Грубокоураженному
Александру Гривинскому
Маслену*

Проф. В. БУЗЕСКУЛЬ.

ДРЕВНѢЙШАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ ВЪ ЕВРОПѢ

ЭГЕЙСКАЯ или КРИТСКО-
МИКЕНСКАЯ КУЛЬТУРА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОЮЗ“

Харьковского Кредитнаго Союза Кооперативовъ.

1918.

Цѣна 2 р. 50 к.

Культурно-Историческая Библиотека
под ред. Проф. Д. И. БАГАЛЕЯ.

Проф. В. БУЗЕСКУЛ.

**ДРЕВНЕЙШАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В
ЕВРОПЕ
ЭГЕЙСКАЯ или КРИТСКО-
МИКЕНСКАЯ КУЛЬТУРА.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗ» Харьковского Кредитного
Союза Кооперативов.

1918.

Харьков.

Типография А. А. Либин.

Рыбная, 17.

I. Открытие эгейской культуры.....	6
Значение вещественных памятников для Истории прошлого и великие открытия в археологии.....	7
Предания о Трое.	8
Шлиманъ; его биография.	10
Раскопки в Трое.	15
Микены.....	18
Тиринф.....	21
II. Крит.....	23
Значение Крита в древности.	23
Предания о Миносе и Лабиринте.	24
Открытия в Кноссе.....	26
«Дворец Миноса»	27
Другие дворцы на Крите.	29
Характер культуры.	32
Искусство и техника.	36
Идолы.	45
Рога быков и двойные топоры.	46
Могила и гробницы.....	48
Критская письменность.	52
Периоды критской (минойской) культуры.....	53
Эгейская культура на островах.	55
III. Троя.....	57
Гиссарлик и местоположение Трои.	57

Первый город.....	58
Второй город.....	61
Шестой город или гомерическая Троя.	63
IV. Микены «златообильные» и Тиринь.....	66
Стены и акрополь Микен.....	66
Могины в акрополе и найденные в них предметы.	69
Купольные могины.....	75
Тиринфские стены и укрепления.....	77
Дворец.	80
Украшения дворцов.	81
Стенная живопись.	84
Время микенской культуры; ее отношение к Криту.	86
V. Распространенность эгейской культуры..	89
Эгейская культура на востоке Греции.....	89
Культура в Фессалии.	91
Эгейская культура на западе.	92
Трипольская культура.	93
VI. Эгейцы и Восток.	96
Эгейцы и море.....	96
Черты сходства эгейской культуры с восточвыми..	97
Сношения и связи с Египтом.	98
Свидетельства египетских памятников.....	102
Занятия эгейцев.....	104
VII. Кому принадлежала и как пала эгейская	

культура.	106
Характер критско-микенских государств.	106
Кто были эгейцы?	108
Филистимляне.	112
Отношение греков к критско-микенской культуре и ее падение.	114
Сравнение с падением Рима и его культуры.	116
Пособия.	118
Список иллюстраций	119
Соответствие страниц.....	120

I.

Открытие эгейской культуры.

*Значение вещественных памятников для истории
прошлого и великие открытия в археологии. — Предания о
Трое. — Шлиман: его биография. — Раскопки в Трое. —
Микены. — Тиринф.*

1. Расписной саркофаг (гробница).

Значение вещественных памятников для Истории прошлого и великие открытия в археологии.

Человечество совершает не одни только завоевания в подлинном смысле этого слова, проливая кровь на поле битв: оно совершает и мирные завоевания, ведя великую работу в области мысли и знания, делая великие открытия в науке. Такие открытия происходят и при изучении далекого от нас прошлого: производятся раскопки; из недр земли, часто из-под слоя многовекового мусора извлекаются вещественные памятники этого прошлого — уцелевшие остатки городов и поселений, развалины стен и различных зданий, начиная от храмов и дворцов и кончая простыми жилищами, гробницы и могилы, нередко с покойниками, оружие и различные украшения, статуи и другие художественные произведения, вазы и домашняя утварь, надписи, письма и проч., — и пред нами тогда открывается новый мир, с его народами, языками, с его жизнью. Чем древнее времена, чем меньше имеем мы о них достоверных письменных свидетельств, тем драгоценнее для историка подобные вещественные остатки прошлого, не исключая даже каких-нибудь черепков: они наглядно знакомят нас с культурой народа, с его

образованностью и бытом, с его обычаями и погребальными обрядами, богопочитанием и религией, искусством и техникой; они переносят нас в обстановку, среди которой жили прежние люди; они оживляют наши сведения об общественной и частной жизни, которую, благодаря этим памятникам, мы можем представить себе иногда до мельчайших подробностей. На основании вещественных памятников мы можем делать нередко заключения и о политическом строе, о внешней истории народа, о его сношениях с другими странами, о посторонних, иноземных влияниях, на него действовавших.

Наука, которая занимается изучением вещественных памятников прошлого, — археология. XIX век и начало XX ознаменовались замечательными открытиями в ее области. К числу их принадлежит открытие богатой культуры, которая существовала в течение многих столетий в Европе, преимущественно по берегам и островам Архипелага или Эгейского моря, и пышно расцвела там еще в отдаленной древности, в доисторические времена Греции, за полторы и две тысячи с лишком лет до Р. Хр., в третьем и во втором тысячелетии до начала нашего летосчисления (эры).

Предания о Трое.

Еще лет сорок пять тому назад ничего не знали о ее

существовании; исторический период Греции начинали обыкновенно с вторжения греческого племени дорян в Пелопоннес, составляющий южную часть Балканского полуострова; вторжение это относили к 1100 г. до Р. Хр. О том, что было раньше, знали лишь по преданиям, поэтическим сказаниям древних греков, принимаемым за вымысл. Особенно выдавались рассказы о Троянской войне. Они составляли целый круг сказаний, легших в основу гомерического эпоса — знаменитых поэм «Илиады» и «Одиссеи», приписываемых Гомеру. В Трое, расположенной близ берега Геллеспонта (Дарданельского пролива), в Малой Азии, некогда царствовал старец Приам, — так рассказывали греки. Сын его Парис, будучи в Греции, гостем спартанского царя Менелая, увез с собою в Трою жену последнего, прекрасную Елену. Тогда греки — или, как называет их Гомер, ахейцы, — под предводительством своих вождей-героев, во главе с братом Менелая, царем микенским Агамемноном, предприняли поход против Трои. Десять лет продолжалась осада Трои. С той и другой стороны совершено немало подвигов, немало погибло героев, в их числе доблестный сын Приама, могучий Гектор, павший от руки Ахилла, прежде чем Троя была наконец взята и предана пламени греками. В преданиях она представляется сильным городом, с

крепкими стенами, башнями, воротами; столица Агамемнона город Микены, в восточной части Пелопоннеса, в области Арголиды, у Гомера называется «златообильными» и т. д. Все это долго считалось существовавшим лишь в воображении греков, но теперь во всем этом оказывается много правды, и то, что раньше признавалось поэтическим вымыслом и сказкой, является во многом действительностью. Перед нами открыт теперь огромный и важный период блестящего культурного развития, открыта *первая великая цивилизация в Европе*, возникшая еще до появления греков на историческом поприще.

Шлиман; его биография.

Культуру эту впервые открыл Шлиман, Судьба Шлимана была замечательная, почти сказочная: тут пред нами яркое доказательство того, что значит страстное увлечение наукой, воодушевленная вера в свое дело, труд и энергия.

Сын бедного немецкого пастора, Генрих Шлиман родился в северной Германии в 1822 г. Еще под влиянием впечатлений детства зародилась в нем страсть к археологии и мечта об открытии Трои, о которой говорит Гомер, но следов которой не сохранилось на поверхности земли. В местечке, где Шлиман провел свое детство, ходило немало рассказов о таинственных кла-

дах, зарытых по соседству. Особенно же любопытство ребенка возбуждал старинный замок, с крепкими стенами, с таинственными ходами, о владельце которого существовали разные невероятные предания. Отец Шлимана любил древнюю историю и часто рассказывал сыну о Троянской войне. Однажды на Рождество он подарил ему «Всемирную историю для детей», с рисунками, где между прочим изображалась и горящая Троя с ее стенами и воротами, и мальчик тогда же пришел к убеждению, которого ничто не могло в нем поколебать, что именно в таком виде существовала некогда Троя, что ее огромные стены не могли быть окончательно разрушены, а лишь скрыты под мусором столетий, и что он впоследствии, когда вырастет, откопает Трою. Ему было тогда всего только восемь лет. Но, казалось, этим мечтам не суждено было сбыться: вскоре семью Шлимана постигает ряд несчастий, и он должен был покинуть гимназию, куда он было поступил, потом и реальное училище, и наняться сидельцем в мелочную лавку; ему было тогда 14 лет. Здесь Шлиман занят был с утра до вечера, — продавал масло, кофе, картофель, соль, подметал лавку и т. д. Тут уже было не до образования. Но среди этой тяжелой обстановки Шлиман не оставлял мечты о Трое, и для него памятен остался на всю жизнь тот вечер, когда однаж-

ды в лавку зашел пьяный мельник, получивший порядочное образование, знавший наизусть сотни стихов Гомера и начавший их декламировать с большим одушевлением. Шлиман не понимал ни слова по-гречески, но мелодичный язык произвел на него сильное впечатление; слезы текли по его лицу; он угостил мельника на те немногие гроши, которые были у него в кармане и которые составляли почти все его состояние.

Между тем здоровье Шлимана пошатнулось; он стал страдать кровохарканьем; пришлось оставить место в лавке. Тогда он пешком идет в Гамбург. Но здесь не находит места: больного никто не хотел держать. В отчаянии Шлиман решает поступить юнгой на корабль, плывший в Америку, в Венесуэлу. Но у голландских берегов корабль терпит крушение, и Шлиман едва спасается от гибели. Теперь он очутился в чужой стране, без всяких средств к жизни. Но о возвращении на родину Шлиман не думал: так горька была его жизнь там. Он решил искать счастья в Амстердаме, поступить там хотя бы в солдаты. По дороге туда он должен был просить милостыню. В Амстердаме Шлиман долго не мог пристроиться. Чтобы не умереть с голоду, он притворился больным и поступил в госпиталь. Из такого отчаянного положения его вывела помощь одного знакомого, жившего в Гамбурге и при-

славшего ему порядочную сумму денег, собранных в его пользу, и рекомендации. Благодаря этому Шлиман получил, наконец, место в одной торговой конторе.

Здесь занятия его состояли в том, чтобы штемпелевать векселя, сдавать и получать письма на почте и т. под. Теперь свободного времени было у него сравнительно достаточно, и вот Шлиман принимается за свое образование, прежде всего за изучение иностранных языков. Половину своего годового жалованья он употреблял на это, жил на чердаке, довольствовался самым скудным завтраком и обедом, работал же неутомимо. Начал он с изучения языка английского. Тут он держался особого способа: переводов не делал, а старался побольше громко читать, писал упражнения на разные темы, исправлял их под руководством учителя, заучивал потом их наизусть и т. д. Чтобы усвоить себе хорошее произношение, Шлиман по воскресеньям посещал английскую церковь и, слушая проповедь пастора, повторял про себя каждое ее слово. На посылках он всегда имел при себе книгу, из которой заучивал что-нибудь наизусть; при долгих ожиданиях на почте не терял времени и читал. Благодаря такому неустанному труду, Шлиман по прошествии 6 месяцев уже мог писать и говорить по-английски. Таким же способом он затем изучил языки французский, голландский, испан-

ский, итальянский и португальский. Он принимается даже за изучение языка *русского*. Дело было трудное: учителя нельзя было найти и приходилось учиться по-русски, имея под рукой лишь грамматику, словарь и плохой русский перевод сочинения Фенелона: «Похождения Телемака», Одисеева сына. Шлиману казалось, что дело пойдет успешнее, если при нем будет кто-нибудь, кому он может пересказывать похождения Телемака. И вот он нашел одного бедного еврея, который за 4 франка¹ в неделю каждый вечер приходил к нему на квартиру и слушал его декламации, из которых не понимал ни слова. Через 6 недель Шлиман в состоянии был уже написать письмо по-русски.

Еще более счастливый оборот в судьбе Шлимана наступает с переездом в Петербург, где он поселился сначала в качестве агента торгового дома, а вскоре стал вести и самостоятельную торговлю колониальными товарами. Счастье необыкновенно благоприятствовало Шлиману; он разбогател и в 60-х годах был уже миллионером. Шлиман, наконец, решает прекратить свою торговую деятельность и приняться за осуществление еще своей детской мечты — за открытие гомерической Трои.

---

¹ Франк — 40 коп. на наши деньги (до войны).

Раскопки в Трое.

В 1868 г. он отправился для предварительных раскопок на месте Трои. Прежде всего, нужно было решить спорный вопрос, где искать древнюю Трою? Относительно этого существовало тогда несколько мнений: в древности господствовало убеждение, что гомерическая Троя находилась там, где в греко-римскую эпоху был «*Новый Илион*», в нескольких верстах от Гелеспонта или Дарданелл, в северо-западном углу Малой Азии; а с конца XVIII столетия стало распространенным мнение, по которому гомерическую Трою следовало искать несколько южнее и дальше от морского берега, у нынешней деревни *Бунарбаши*. Шлиман вскоре убедился, что последнее мнение неосновательно, что раз существовала в действительности древняя Троя, то ее следует искать на холме *Гиссарлык*, т. е. там, где в греко-римскую эпоху находился «Новый Илион». И он решил именно здесь предпринять свои грандиозные раскопки.

Он начал их осенью 1871 г. и производил в течение многих лет, исключительно на свои средства. Энергичною помощницею Шлимана в деле раскопок была его вторая жена, Софья, родом гречанка, такая же почитательница Гомера, как и он сам. Удивительны то увлечение, то терпение и энергия, которые обнаружили

Шлиман и его жена в своих поисках за гомерической Троей. Имея возможность жить среди полного удобства и роскоши, они добровольно взяли на себя великий труд, мирились с тяжелыми условиями бивуачной жизни, переносили всевозможные неудобства, терпели зной и стужу. Особенно тяжело было для Шлимана и его жены начало 1873 г., когда работы, на зиму обыкновенно прекращавшиеся, возобновлены были очень рано, в самом начале февраля. Сквозь деревянные стены дома, построенного Шлиманом на месте раскопок, дул резкий северный ветер, нельзя было зажечь лампы, мороз в комнатах достигал до 4°, вода замерзала. Днем все это было еще сносно, благодаря тому, что приходилось быть в постоянном движении на воздухе, но вечером, говорит Шлиман в своей биографии, «кроме нашего одушевления к великому делу открытия Трои, мы не имели ничего, что согревало бы нас». Но зато именно в 1873 г. раскопки Шлимана шли особенно успешно; тогда открыт был им «большой клад», отрытый им собственноручно. Любопытны подробности этого открытия. Рабочие натолкнулись, во время раскопок, на золотой предмет. Шлиман тотчас догадался, что тут скрывается важная находка; но он опасался, что рабочие могут похитить вещи. И вот, чтобы спасти находку, он дает раньше обыкновенного времени сигнал для

завтрака; рабочие удаляются, а сам он собственноручно принимается за раскопку, можно сказать, с опасностью жизни — так как стена, под которой приходилось копать, ежеминутно грозила обрушиться—; а жена Шлимана прятала отрытые вещи под мантилью и уносила в дом. Так открыт был и спасен для науки «большой клад». Этот клад состоял из нескольких серебряных слитков, многих сосудов (медных, серебряных, золотых) разной формы и величины, причем в одной из серебряных ваз найдено две великолепных диадемы, головная повязка, множество мелких золотых вещей (до 8700), немало серег, браслетов, два кубка и т. д.; кроме того, в состав клада входило оружие из бронзы.

Мы не будем пока останавливаться вообще на том, что найдено было Шлиманом на холме Гиссарлык, месте древней Трои: мы к этому еще вернемся. Скажем только, что здесь Шлиман открыл остатки нескольких поселений, последовательно возникавших одно на месте другого. Первый и второй город (считая не сверху, а снизу, от твердой земли или материка) — очень древние, — относятся к III тысячелетию до Р. Хр. Второй город, в слое которого найден большой клад и который, видимо, погиб от огня и разрушения, по мнению Шлимана и был гомерическая Троя.

Но Шлиман ошибся, приняв этот *второй* город за

гомерическую Трои; он, всю жизнь мечтавший об открытии Трои, не дожид до того момента, когда его сотрудником *Дерпфельдом* открыты были на том же Гиссарлыке древности города, который, скорее всего, можно отождествить с Троей Гомера: это — *шестой* город; Шлиман же в слое первого и второго города на Гиссарлыке открыл более древнюю культуру — культуру *тро-янскую*.

Еще важнее были открытия Шлимана в *Микенах*.

Микены

В легендарной истории Греции Микены занимают очень видное место. Предание говорит, что их воздвиг герой Персей, причем их строителями были циклопы — чудовищные великаны с одним глазом во лбу. Микены — отчизна родителей Геракла или Геркулеса, и в числе их царей сказания называют того Эврисфея, на службе которому Геркулес совершил свои знаменитые двенадцать подвигов, и вождя греков под Троей — Агамемнона. У греческих поэтов Микены являются местом действия ужасных драм: в отсутствие Агамемнона ему изменяет его жена Клитемнестра, и когда Агамемнон из-под Трои возвращается радостный домой, его, вместе с его спутниками, коварно умерщвляет Клитемнестра и ее возлюбленный Эгисф. Греческие трагики ярко изображают, как горевала из-за смерти

отца дочь Агамемнона Электра, как пылала она мстью и как его сын Орест, выросший на чужбине, возвратился на родину и отмстил за смерть отца, убив Эгисфа и вероломную мать свою. Поэтические сказания греков говорят нам о былой славе, богатстве и могуществе Микен, а Гомер прямо называет их «златообильными». В преданиях Микены являются центром сильного и богатого царства, местопребыванием могучих владык. Открытия Шлимана блистательно подтвердили это.

Давно уже известны были развалины Микен — остатки стен, сложенных из громадных камней, с знаменитыми *«Львиными воротами»*, и куполообразная могила, слывшая под именем *«Сокровищницы царя Атрея»*. Об этих развалинах, свидетельствовавших о былом величии Микен, говорит и *Павсаний*, греческий писатель II в. по Р. Х. В 1876 г. Шлиман подробнее исследовал эти памятники и, кроме *«Сокровищницы царя Атрея»*, открыл еще несколько подобных же куполообразных могил.

Но главное свое внимание Шлиман сосредоточил на микенском акрополе, кремле. Он пришел к убеждению, что могилы Агамемнона и его спутников, о которых говорит Павсаний, следует искать не вне, а внутри акрополя. И вот он задался мыслью открыть эти могилы. 7 августа 1876 г. внутри акрополя, недале-

ко от Львиных ворот, раздались первые удары заступа и через несколько уже недель перед глазами Шлимана открылся мир новой, дотоле неизвестной нам культуры. Прежде всего Шлиман открыл тут круг, состоящий из двойного ряда или кольца каменных плит, ниже этого круга — алтарь циклопической постройки, затем несколько каменных *стел* (плит), из которых на некоторых изображены сцены охоты и сражения, и, наконец, еще ниже открыто 5 могил. В этих могилах оказалось до 17 тел, в том числе несколько женских и детских. Тела, можно сказать, были завалены драгоценностями всякого рода.

Успех был поразительный и превзошел самые смелые ожидания Шлимана. То, что раньше признавалось лишь поэтическим вымыслом, оказалось действительностью: сказания о богатстве и могуществе Микен нашли себе полное подтверждение. Можно даже сказать, что в данном случае поэтическая фантазия во многих отношениях оказалась ниже действительности. Поэтому нам вполне понятен восторг Шлимана, его увлечение, его уверенность, что им открыты именно могилы Агамемнона и его спутников, так трагически погибших по возвращении из Трои. — Мы можем и не разделять этой уверенности, но несомненно то, что могилы, открытые Шлиманом в Микенах, — могилы

царские.

Тири́нф.

Очень важным дополнением к микенским находкам явились открытия Шлимана в другом древнем городе Арголиды, в восточной части Пелопоннеса, неподалеку от Микен, — в *Тири́нфе*. По преданию Тири́нф тоже сооружен циклопами и считался даже древнее Микен. Его развалины представляли груды камней, еще более колоссальных, нежели те, какие находятся в Микенах. Свои раскопки в Тири́нфе Шлиман производил в сотрудничестве с *Дерпфельдом*, главным образом в 1884 г. Он пролил новый свет на систему тири́нфских укреплений и открыл остатки большого дворца, по своему плану напоминающего дворцы, описываемые Гомером. Так открыта была культура, которая сначала по имени Микен названа была *микенскою*. Но после замечательных открытий на острове Крите, сделанных англичанином *Эвансом* и итальянскими учеными уже в начале нашего века, оказалось, что микенская культура — это только часть, поздний период культуры, охватывавшей гораздо более обширный район и гораздо более продолжительное время, и что главным центром ее были не Микены, а Крит. Поэтому культуру эту теперь называют *критско-микенскою* или *эгейскою*, по имени моря, по берегам и островам которого она преимуще-

ственно была распространена (см. карту, рис. 2 [стр. 22]).

2. Карта Эгейского моря.

II.

Крит.

Значение Крита в древности. — Предания о Миносе и Лабиринте. — Открытия в Кноссе. — «Дворец Миноса». — Другие дворцы на Крите. — Характер культуры. — Искусство и техника. — Идолы. — Рога быков и двойные топоры. — Могилы и гробницы. — Критские письма. — Периоды критской (минойской) культуры. — Эгейская культура на островах.

Значение Крита в древности.

Еще греческий философ и ученый Аристотель отмечал прекрасное географическое положение Крита, самую природою как бы предназначенного к господству над Грецией: остров этот, замыкая собой Архипелаг с юга, находится в центре восточной половины Средиземного моря, неподалеку от Пелопоннеса, Египта и Малой Азии, на путях из стран древнего Востока на Запад, в Грецию, служа как бы одним из главнейших мостов между этим Востоком и Европой.

«Одиссея» (XIX, 127 сл.) говорит о нем:

**«Остров есть Критг посреди виноцветнаго моря,
прекрасный,**

**Тучный, отвсюду объятый водами, людьми
изобильный;**

Там девяносто они городов населяют великих.

Разные слышатся там языки: там находишь ахейн,
С первоплеменной породой воинственных критян;
кидоны

Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кноссе живущих»...

Предания о Миносе и Лабиринте.

Илиада называет Крит «стоградным». Главный, «великий город» здесь был Кносс. Он находился в некотором расстоянии от морского берега, в северной части острова, которая обращена к Эгейскому морю. Это — столица царя Миноса, о котором греки рассказывали немало чудес. По их сказаниям, Минос — сын Зевса, похитившего прекрасную дочь финикийца Кадма, Европу, и уведшего ее на остров Крит, где он и сочетался с нею. Он обладатель чудесного Лабиринта, построенного великим изобретателем, художником Дедалом, — громадного дворца, с бесчисленными комнатами и с такими запутанными ходами, что, раз войдя в него, нельзя найти выход; в этом Лабиринте заключено было чудовище Минотавр, полубык-получеловек (с туловищем человека и с головой быка), и с ним связаны мифы о Тезее и Ариадне. Говорили, что Минос, в наказание за убийство его сына афинянами, наложил на них ужасную дань: каждые девять лет должны были афи-

няне посылать на Крит по семи юношей и по семи девушек, которых запирали в Лабиринт, и там их пожирал Минотавр. Сын афинского царя Эгея, Тезей, чтобы избавить родину от такой дани, вызвался отправиться на Крит вместе с обреченными на жертву. Там его полюбила дочь Миноса, Ариадна, и дала ему меч и клубок ниток. Тезей у входа в Лабиринт привязал конец нитки и затем, по мере того, как он углублялся во внутрь дворца, он разматывал клубок. Благодаря этой «Ариадниной нити» он нашел выход из Лабиринта после того, как в страшном бою умертвил Минотавра. Так спасся Тезей, а вместе с ним и афинские юноши и девушки.

Но Минос, — в греческих сказаниях, — и образ мудрого законодателя. У Гомера он один из трех судей в подземном царстве (Одиссея, XI, 568 сл.): «скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он сидя». По словам другого греческого поэта, Гесиода, Минос — «из всех смертных царей наиболее царственный»; он царствовал над множеством людей, подвластных его скипетру. У греческих историков, Геродота и Фукидида, Минос — первый создатель сильного флота, властитель моря, повелитель над Кикладскими островами, которые он колонизовал, изгнав владевший этими островами народ, карийцев, и очистив море от пира-

ТОВ.

Таковы предания о Миносе.

Открытия в Кноссе.

Еще в начале 80-х годов прошедшего века некоторые ученые указывали на Крит, как на пункт, где надо искать разгадки вопроса о микенской культуре.

В конце 70-х годов прошлого века к югу от Кандии (или Гераклиона), на месте древнего Кносса, «великого города», как называет его Одиссея, предполагаемой столицы Миноса, местный купец *Минос Калокэринос* открыл развалины древнего большого здания и несколько сосудов. Но что это за здание, было тогда еще неясно: некоторые полагали, что это развалины Лабиринта. Затем здесь намерен был производить раскопки Шлиман; но он умер, не успев осуществить свое намерение. В последующие годы, во время восстания на Крите и политических осложнений, не могло быть, конечно, и речи о правильных археологических исследованиях на острове. Только после его умиротворения, в самом конце XIX стол., представилась возможность приняться за такие исследования.

Англичанин *Артур Эванс*, хранитель музея в Оксфорде, еще в 1894 и 1897 г. открывший на Крите памятники древнего до-эллинского письма, в целях дальнейших находок подобного рода, на частные средства

предпринял в 1900 г. раскопки на месте древнего Кносса, приобретя в собственность участок, где находились развалины. Результаты первых же раскопок были изумительны. Оказалось, что некогда здесь действительно существовал обширный дворец, одно из величайших зданий в мире, по размерам далеко превосходящее дворец, открытый Шлиманом в Тиринфе. Эванс назвал этот дворец «дворцом Миноса», а критскую культуру, памятником которой он является, — *минойской*, т.е. Миносовой.

Культура эта — века меди и бронзы. Дворец в Кноссе построен на месте, где была раньше культура более первобытная — неолитическая (новокаменного века), остатками которой служат утварь, сделанная от руки, каменные орудия и т. п. и начало которой здесь восходит ко временам глубочайшей древности: судя по толщине слоя ее, около 7 метров, Эванс полагает, что эта древнейшая неолитическая культура существовала в течение огромного периода времени, в 12000 и даже 14000 лет.

«Дворец Миноса»

Кносский дворец не имел укреплений или особой окружной стены. Владетели его, очевидно, чувствовали себя в безопасности со стороны суши, а с моря их охранял сильный флот. Впрочем, наружные стены двор-

ца были глухие, без окон и с немногими входами, что придавало зданию вид как бы крепости, а над главным входом было помещение, в роде гауптвахты или караульной, где могла помещаться стража. Дворец занимал обширное пространство (более 20000 кв. метров, считая со входами и прилегающим с запада двором), имел несколько этажей и представлял вокруг внутреннего, центрального, большого двора, действительно, целый «лабиринт» ходов, коридоров и разнообразных помещений: тут были залы, из которых обращает на себя внимание так назыв. «тронная», получившая это название потому, что в ней стояло седалище из алебастра, принятое сначала за трон; «зала двойного топора», с изображениями секиры с двумя лезвиями; близ нее — внутренние царские покои, комнаты царицы и царской семьи. Были и молельня, школа для обучения письму, мастерские для скульптуры, для керамики (изделий из глины), фаянсовых изделий, для выделки оливкового масла, помещения для рабочих, кладовые, где в пифах, огромных глиняных сосудах в рост человека, стоявших рядами вдоль стен, хранились припасы — зерно, масло и т. п., и целый архив глиняных табличек с письменными знаками. Были во дворце и ванны или купальни; для воды проведены трубы. Вообще дворец имел все удобства... Стены его оштукатурены и укра-

шены фресками (стенною живописью), изображавшими то отдельные человеческие фигуры, то целые процессии, то нарядных придворных дам или сцены ловли и усмирения быка. Ко дворцу с запада примыкал двор, вымощенный плитами, со спускающимися к нему широкими ступенями; как предполагают, это — театр, древнейший в мире: двор служил местом действия, а широкие ступени лестниц — местами для зрителей.

На северо-восток от двора находилась большая постройка — «царская вилла» или малый дворец. По видимому, здесь был городской квартал: найдены остатки частных домов. С внешним видом этих домов до некоторой степени знакомят изображения их на дошедших до нас небольших фаянсовых пластинках: дома здесь изображены в два или полтора этажа с плоскою крышею, иногда с возвышением посредине, в роде мезонина; дверь — в центре фасада, передней стены; четырехугольные отверстия служили окнами. Далее, за городом, находилось кладбище.

Другие дворцы на Крите.

В то время как Эванс сосредоточил свое внимание на Кноссе, итальянские археологи занялись исследованием южной части Крита, где находился некогда город Фест. Здесь открыты развалины дворца, тоже огромного, подобного дворцу в Кноссе. План его приближи-

тельно тот же. Вокруг обширного внутреннего дворца расположена одна половина дворца, — разного рода службы и помещения для слуг, кухни, ванны, широким коридором отделенные от кладовых, которые в свою очередь отделены от семейных покоев, куда ведет прекрасно устроенный ход с полуколоннами и нишами (углублениями в стенах), по сторонам: эти покои, колоннады и галереи, открытые террасы обращены на север, с прекрасным видом на горы. Другая половина дворца для приемов, с обширными комнатами, находится, как и в Кноссе, на западной стороне. Дворец в Фесте в особенности характеризуют многочисленные коридоры и лестницы, что отчасти объясняется местоположением (он находился на горе). Особенно замечательна широкая лестница, которая от западного двора ведет вверх. Ступени ее, как предполагают, служили сидением для зрителей: в Фесте, подобно тому, как в Кноссе, по-видимому, существовал в глубокой древности театр. И этот дворец был устроен с большим комфортом и со всеми удобствами. Под дворцом тоже был слой более древней культуры, неолитического поселения, со множеством костей домашних животных, полированных орудий и т. под. Был ли дворец в Фесте местопребыванием особого царя или же принадлежал тому же владетелю, что и Кносс, мы не знаем.

Летом 1902 г., на цепи холмов неподалеку от Феста, там, где теперь стоит небольшая византийская церковь *Св. Троицы (Агия Триада)*, итальянцы открыли небольшое здание, состоящее из двух флигелей, сходящихся под прямым углом; в южном флигеле — хозяйственные помещения и кладовые; верхний этаж был деревянный; в другом флигеле обращает на себя внимание большая зала с колоннами и соседняя с нею комната, у входа в которую стояли еще на своих местах и в момент открытия два высоких каменных канделябра. Небольшой дворец этот был, однако, прекрасно украшен, с замечательными фресками, с предметами высокой техники, художественной работы. Перед дворцом, в северо-западном углу, — колоннада, с которой открывался великолепный вид на окрестности — на равнину, на высокие горные цепи до самой горы Иды и на море. Итальянцы, открывшие этот дворец, приняли его за летний дворец царей Феста. Так ли это или же он принадлежал какому-нибудь отдельному владельцу, зависимому от Феста, знатному лицу и т. под., — сказать трудно.

Были на Крите в ту эпоху и другие поселения, как свидетельствуют об этом остатки критско-микенской культуры в восточной части острова, напр. в Гурнии, — местечке с узкими и кривыми улицами, но с мостовой

и каналами для стока воды. Обычный вид тогдашнего простого жилища — круглая хижина. На это указывают, напр., урны в форме круглой хижины, найденные на Мелосе и на Аморгосе, и купольные могилы, представляющие собой в большом размере воспроизведения таких жилищ.

Характер культуры.

Критские дворцы, с их разнообразными помещениями, фресками и различными предметами, найденными в них, дают нам понятие о богатой, развитой, подчас утонченной культуре, которая в те далекие времена процветала там. Интересны, напр., дамы, изображенные в миниатюре на стенах кносского дворца, их вычурные прически, декольте (обнаженная шея и грудь), перетянутые талии, платья голубого и желтого цвета, украшенные оборками, широкие, вздутые рукава. Дамы эти сидят и беседуют; вокруг них мужчины. Пред нами, очевидно, высшее, придворное общество. Одному французскому археологу особы эти напомнили придворных дам времени Карла X и Луи-Филиппа, 20—40-х годов прошлого века. «Какой археолог или художник», замечает он по поводу их, «представляя себе жену Миноса, помыслил бы сблизить ее образ с образом своей бабушки в бальном костюме, танцевавшей при дворе Карла X или Луи Филиппа?». Другой

французский ученый говорит об этих дамах: «Их непринужденные позы, их неправильные, но миловидные лица, их подвитые волосы вызвали сперва изумление, а потом радость важных археологов, увидевших эту фреску. Под классическим искусством таким простым по своим формам, найден был современный мир, с его нарядностью и более привычною, и более искусственною». Или, напр. интересен портрет молодой особы, изображенной в профиль, по грудь, со вздернутым кончиком носа, с ярко пунцовыми губами, с ниспадающими на затылок волнистыми волосами, от которых отделилась прядь, в виде небольшого локона или завитка спускаясь на лоб, с большим бантом на спине. Рисунок сделан, очевидно, наскоро, несколько небрежен, не совсем правилен (напр. глаз), но смел и выразителен. Изображение исследователям показалось столь современным, что эту особу называли «парижанкой» (рис. 3 [стр. 35]). Съ этим можно сопоставить некоторые статуэтки и геммы (дорогие камни с вырезанными на них изображениями). Одна из статуэток изображает напр. платье с различными полосами вверху и растениями внизу; а на одной из гемм мы видим женскую фигуру перед деревом и жертвенником с чрезвычайно изогнутой, выдавшеюся вперед верхнею частью корпуса, перетянутой талией, в юбке, стянутой у колен.

Гемма, вероятно, имеет отношение к религии, но нас в данном случае интересует не ее смысл, а внешность изображенной женской фигуры. Если такое и ему подобные изображения показать современным дамам и спросит, откуда это, то они, наверное ответят, что это — плоховато исполненное изображение из недавнего модного журнала, «какая-то барыня»! Исследователь древне-критских туалетов утверждает, что уже в то время существовали корсеты, рукава, воротники, передники, панталоны, шляпы (с каркасом) и т. под. «Костюм древне-критский и костюм некоторых стран современной Европы», по его мнению, — «одного и того же происхождения; это — два разветвления одного и того же ствола, отделенные веками друг от друга».

3. «Парижанка» (фреска в Кноссе).

Искусство и техника.

Многие фрески поражают натуральностью изображения, верно схваченными чертами. Изображен несущий вазу юноша, с длинными локонами, полуобнаженный, в переднике, с ожерельем на шее, с запястьями на руках и подобными же украшениями на ногах. Правую рукою он держит вазу за ручку, а левою придерживает ее снизу; с видимым напряжением идет он вперед, изогнувши стан сильно назад. «Работа, усилие, движение великолепно выражены общим контуром и стана и рук». На фресках в Агии Триаде чрезвычайно реально изображаются природа и животные: то пестрый фазан сидит на ветке, а из-за куста выглядывает дикая кошка, стерегущая его жадными глазами (рис. 4 [стр. 37]); то темноватый бык пробирается чрез кустарник, между деревьями, и своими рогами раздвигает ветви; то заяц бежит по полю, усеянному цветами, и проч. Природа изображена с такою естественностью, что можно даже определить те растения, которые нарисованы на картине, — плющ, дурман и друг. На одной картине — женщина, нарядно одетая в платье небесно-голубого цвета, с красной каймой, с пестрыми оборками; она сидит, по-видимому, на троне, а вокруг — яркая зелень... Но особенно распространено изображение быка то бегущего, то пойманного, его ловли

или усмирения, игры или боя с ним. Полагают, что это не просто сцены из обыденной жизни и не только спорт (гимнастические упражнения) или акробатство, что — по крайней мере первоначально — это имело отношение к культу, что бой быков, эти игры, как и танцы, имели религиозное значение, входили в ритуал (священный обряд), были священнодействием. Как бы то ни было, — позы и движения животных и действующих лиц, среди которых встречаются и женщины, отличаются удивительной естественностью, выразительностью.

4. Кошка и фазан.

По реализму и выразительности с этими фресками следует сопоставить стеатитовые (из жировика) вазы, с

рельефными, выпуклыми изображениями, тоже из Агии Триады.

5. «Ваза жнецов».

На одной изображена какая-то процессия (рис. 5 [стр. 38]), быть может, жнецов (эту вазу обыкновенно называют «вазой жнецов»): идут попарно мужчины, обнаженные по пояс, без бороды и усов, на голове у них тюрбаны, или повязки, правая рука на груди, сложена в кулак, на левом плече у каждого нечто в роде вил, с тремя зубьями. В центре процессии — человек с

музыкальным инструментом в руках; рот его раскрыт, он поет громко, «во все горло»; сзади него три женщины, с откинутыми назад головами: они тоже поют «во все горло». А впереди процессии шествует фигура крупнее других, с обнаженной головой, с длинными волосами, с изогнутой тростью на правом плече, в тунике или панцире, неплотно прилегающем к телу, несколько отстающем внизу. Эту вазу по художественности работы сравнивают с произведениями флорентийских мастеров эпохи Возрождения. Другая ваза, воронкообразной формы, в четырех горизонтальных поясах, между которыми распределены сцены, изображает борцов и воинов, бой быков, гимнастические состязания, кулачный бой, борьбу... С удивительной верностью представлены различные положения. Напр., во втором поясе бык подымает человека на рога, в четвертом — один из борцов упал на спину, на обе лопатки, высоко подняв ноги; другой, сидя на земле, ногою отбивается от противника и т. под. На обломке третьей вазы обращает на себя внимание чрезвычайно выразительная гордая, повелительная поза царя или вообще начальника (рис. 6 [стр. 41]), пред которым стоит, с оружием на плече, очевидно, подчиненный («офи-

цер»), а далее виднеется голова воина, солдата. Это — редкие изображения воинов и военных сцен:² на Крите решительно преобладают сцены из мирной жизни; судя по ним, культура тут носила преимущественно мирный характер.

---

² Можно отметить еще, среди произведений из гипса и штукатурки, изображение какого-то начальника или царя почти в натуральную величину, с опоясанною талиею, с гордо откинутой назад головой, в короне с перьями, опирающегося на жезл или копье.

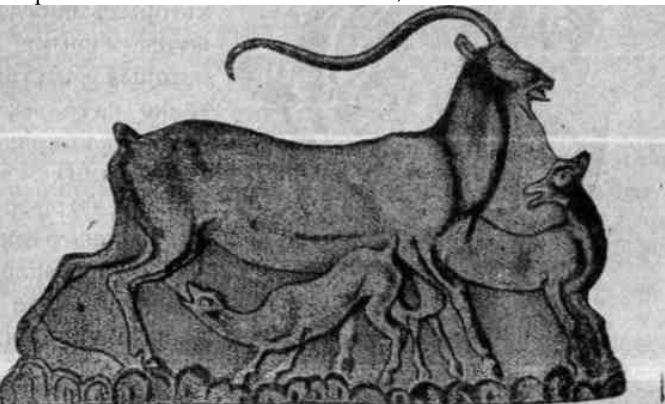

6. Царь или начальник в изображении на вазе.

Натурализм, естественность, умение тех далеких от нас мастеров изображать природу бросается в глаза и в других произведениях. На фаянсовой пластинке из Кносса, изображающей козу с детенышами (рис. 7 [стр. 42]), как естественна поза одного из этих детенышей,

пригнувшегося, сгибая передние ноги, и сосущего матку! Или, напр., обломок руки в натуральную величину, воспроизводящий все мускулы и даже жилы! Насколько верны природе были иногда изображения в ту отдаленную от нас эпоху, показывает пример краба: Эванс нашел в Кноссе краба, сделанного из глины, и принял было его за естественного, лишь окаменелого.

7. Коза с козлятами.

О высокой, художественной технике в пору расцвета «минойской» или миновской культуры свидетельствуют и многочисленные изделия керамики, т. е. изделия из глины, в особенности вазы Камарес (рис. 8 [стр.

44]). Так называется тот вид ваз, образцы которого впервые были найдены у деревни этого имени, в пещере, на южном склоне горы Иды. Вазы эти — с закругленными ручками, тонкими стенками, пестро, ярко разрисованы: на блестящем черном фоне — красные, белые или желтовато-белые (кремовые) цвета и, наоборот, по светлому фону — черные или красные цвета. Они украшены изображениями кругов, розеток, спиралей, лилий и других растений, осьминогов, щупальца которых иногда кажутся живыми. Некоторые настолько тонко сделаны, что их можно сравнить с тонким китайским фарфором. Вообще знатоки критских древностей уверяют, что подобные изделия никогда не были превзойдены во всей истории керамики и что по тонкости и по впечатлению, производимому красками они совершеннее, нежели старая венецианская посуда.

8. Ваза «Камарес».

Реализм, естественность, выразительность сменились впоследствии, в эпоху упадка «минойской» культуры, вычурностью, условностью, тем стилем, который мы называем «декадентским» (упадочным).

Идолы.

Говоря о произведениях художественного ремесла, следует отметить еще фаянсовые статуэтки, женские фигуры, найденные в Кноссе, близ «царской виллы»: в них видят женские идолы, между ними — изображение (по обычному мнению) богини или жрицы с высоким головным убором в роде шапки или короны древне-персидских царей, обвитой змеей, и с тремя змеями, обвивающими туловище³. Для характеристики религиозных верований критско-микенской эпохи интересны грубые каменные или глиняные женские фигуры, со сложенными руками, с резко выраженными, как бы подчеркнутыми, признаками женского пола, находимые на Крите и за его пределами. По господствующему воззрению, это — «нагая богиня», олицетворение женского начала в мире, богиня, которую сближают с «Великой Матерью» (Реей, Кибелой)⁴, почитание коей, под разными именами, было очень распространено на Востоке, в особенности в Малой Азии.

---

³ Есть мнение, что это вовсе не идол, не жрица, а просто укротительница змей.

⁴ Некоторые видят в этих «эгейских идолах» грубо-магические изображения женщины-наложницы, которые клались в могилу, как и фигуры музыкантов, чтобы обеспечить покойнику радости земной жизни.

Малоазийскую «Великую Матерь» и владычицу зверей напоминают также некоторые изображения на геммах и печатях, напр., женская фигура, стоящая на вершине горы, между двумя львами и т. п. Встречаются часто и фантастические изображения разных демонических существ с бычачьими (вспомним Минотавра), бараньими, ослиными или птичьими головами, а также фигуры (может быть, щиты) в виде цифры 8 или скрипки.

Рога быков и двойные топоры.

В Кноссе и в других местах находим в большом числе изображения бычачьих рогов. Мы видим их на стенах, на вазах, камнях, гробницах; их изготовляли из гипса, стеатита (жировика), металла. Это — так называемые «посвященные рога»: бык был священным животным, воплощением или принадлежностью божества, а рог — главная принадлежность быка, следовательно, — и принадлежность или знак божества, предмет культа. На критских памятниках той эпохи очень часто встречается также изображение двойного топора, т. е. с двумя лезвиями: в Кноссе, как мы видели, была «зала двойного топора». Он служил, очевидно, тоже каким-то религиозным символом, знаком, по мнению одних — мужского божества, бога грома и молнии, небесного бога, оплодотворяющего мать-землю, по мнению других — символом божества женского, вели-

кой богини-матери, богини плодородия, животворящей силы. В связь с двойным топором, по-гречески «Лабрис» (слово, заимствованное из лидийского) приводят иногда самое название «Лабиринт». К священным символам или знакам относятся, вероятно и столпы и колонны, играющие чрезвычайно видную роль в критских дворцах. Некоторые же видят в них просто опору для верхних этажей. Но, кроме того, изображения столпов встречается на геммах, перстнях, фресках, и там они, очевидно, представляют известный символ, являются предметом почитания (может быть как сокращенное изображение священного дерева).

В связь с культом ставят и такие действия, как ловлю и усмирение быка, прыгание через него, борьбу с ним, — действия или игры, входившие в ритуал, священный обряд. Впоследствии священный характер их мог утрачиваться, становиться пережитком и бой быков превращаться больше в спорт и акробатство, в развлечение, зрелище. Судя по некоторым изображениям, были и священные танцы, в роде напр. исступленных танцев русских сектантов. А к числу чисто светских развлечений обитателей критских дворцов принадлежала игра в шашки, как доказывает найденная в Кноссе великолепная шахматная доска из слоновой кости с украшениями из золота, серебра, горного хрусталя.

Замечательно, что развалин и следов храмов, как отдельных зданий, на Крите не найдено: очевидно храмов там не было. Были лишь жертвенники или алтари, домашние молельни во дворцах, с престолами. Боже-ства почитались также в священных рощах, в пещерах, в священных огороженных местах. Как показывают могилы и разрисованная гробница или саркофаг, о котором мы еще будем говорить, существовало почитание умерших.

Могилы и гробницы.

Виды могил на Крите разнообразны, в зависимости, может быть, от эпохи, народности, знатности или незнатности погребенного. Обычно встречается погребение в земле, но есть случаи сожжения умерших. Могилы были часто общими, иногда для костей и черепов отводилось особое место. В общем, есть два главных вида критских могил — шахтообразные и куполообразные. Последние, характеризующие собственно микенскую эпоху, на Крите встречаются еще раньше. Прообразом для них послужили, вероятно, первобытные жилища круглой или овальной формы. Одна из таких могил открыта у Агии Триады. Царское погребение в Исопате, близ Кносса, к сожалению, было еще в древности разграблено, так что в могиле почти ничего не осталось; только немногие предметы свидетельст-

вуют о былом ее богатстве.

С представлениями о загробной жизни и связанными с этим жертвоприношениями знакомит нас расписной саркофаг из Агии Триады, чрезвычайно интересный и в художественном отношении.

На одной из продольных сторон саркофага (рис. 1 [стр. 6]) направо изображена какая-то небольшая постройка, по-видимому, камера, с изукрашенной спиралью дверью. Спину к ней стоит мужская фигура, завернутая в плащ из звериной шкуры, словно в саван; перед нею — пальмовое дерево и трое мужчин, один за другим, с подношениями: один подносит предмет в роде ладьи или слоновьего клыка, двое других — по теленку. Мужчины обнажены по пояс, ниже пояса одеты в платье, точнее в юбку, из звериных шкур. Фон — поле или задний план картины, — на котором изображены эти фигуры, голубой, тогда как остальной фон на этой стороне саркофага белый. Левее, спиной к только что описанной сцене, изображена фигура, судя по темному цвету лица мужчина, а по одежде — женщина, с музыкальным инструментом, в роде лиры, в руках. Впереди ее женщина с короной на голове, в богатой одежде; на плечах у нее коромысло с двумя корзинами или ведрами. Далее — женщина (опять в платье из звериной шкуры) льет из такого же сосуда ка-

кую-то жидкость в большую чашу, стоящую между двумя древесными стволами или столпами, сверху которых двойные топоры и на каждом сидит птица (рис. 9 [стр. 51]). На другой продольной стороне — саркофага гораздо хуже сохранившейся, между прочим, тоже изображен столп с двойным топором и птицей, жертвенник, перед которым стоит женщина, в платье из звериной шкуры, с протянутыми руками, со взглядом, устремленным вперед; на жертвеннике — корзина и графин, а вверху, как бы в воздухе, тоже корзина, с фруктами. Налево от этой женщины лежит на подставках связанный бык, очевидно, предназначенный для жертвоприношения; ниже его, на земле, две козы или лани, а вверху из-за быка виднеется мужчина с флейтой во рту, с надутыми от усилий щеками. Налево сохранились только нижняя часть росписи — ноги и длинные платья нескольких человеческих фигур. На этой продольной стороне фон направо голубой, посередине — белый, налево — желтый. На обеих продольных сторонах саркофага фрески обрамлены розетками и спиралями. На боковых сторонах — колесница с двумя сидящими в ней женскими фигурами; на одной стороне колесницу везут лошади, на другой — грифоны, фантастические существа, с телом львицы и головой орла, над которыми изображена птица, обра-

щенная к сидящим в колеснице.

9. Часть изображений на саркофаге.

Представляют ли изображения на продольных сто-

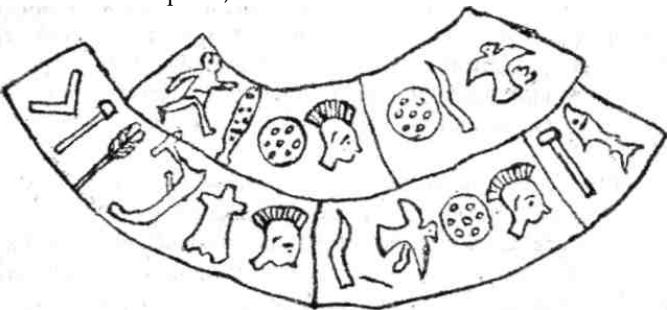
ронах саркофага две отдельных сцены или же одна служит продолжением другой, мнения расходятся. Вообще объяснения подробностей могут быть разные; но в общем пред нами, по-видимому, погребальный обряд или жертвоприношение умершему.

К позднейшей поре минойской культуры относятся глиняные саркофаги — «ларнаки», формой своей напоминающие галоши. Тела покойников клались в них на дно с поднятыми и согнутыми ногами.

Критския письма.

Уже в эпоху минойской культуры известно было письмо: таблички с письменными знаками, содержащие, по-видимому, разные описи или счета, квитанции и т. п., насчитываются тысячами; были письменные знаки и на печатях, и на других предметах. Письмена критские двух систем: письмо образное, в роде иероглифов, по мнению Эванса, господствовавшее в восточной части Крита, у древнейшего туземного населения; другое — «линейное», приближающееся к буквенным знакам; есть сходство с некоторыми знаками финикийской азбуки. Быть может от этого письма ведет начало европейский алфавит... К сожалению, критския письма еще не разобраны. Письменными знаками являются и те изображения, которые находятся на небольшом диске или кружке,

из обожженной глины, найденном в Фесте (рис. 10 [стр. 53]). Среди этих знаков чаще всего повторяется двойной топор, лира, человеческая голова в короне или в шлеме с перьями. Последнее изображение особенно интересно: оно чрезвычайно сходно с изображением народа Пуласати, т. е. филистимлян, находящимся на египетских памятниках времени Рамзеса III. Однако был ли диск этот туземного, критского, происхождения или же он очутился здесь, будучи завезен из какой-либо иной страны, неизвестно.

10. Часть диска из Феста (письмена).

Периоды критской (минойской) культуры.

Критско-микенская культура имеет более, чем тысячелетнюю историю, и Кносский, как и фестский, дво-

рец насчитывает несколько периодов в своем существовании. Древнейшие остатки старины в Кноссе, как мы видели, относятся еще к неолитическому, новокаменному периоду, а начало бронзового века — к III тысячелетию. В начале второго тысячелетия был построен в Кноссе первый дворец; почти одновременно и в Фесте строится первый дворец. Вскоре как там, так и здесь, на месте первого дворца возникает второй, который затем подвергается перестройке. Около 1400 г. оба эти дворца, как кносский, так и фестский, разрушаются, погибают в пламени. В XIII—XII вв. настает конец критско-микенской культуре.

Сверх неолитического слоя, по примеру Эванса, принимают обыкновенно три периода минойской культуры: 1) раннеминойский, 2) среднеминойский и 3) позднеминойский, и каждый подразделяют еще на три части, напр.: раннеминойский I, раннеминойский II, раннеминойский III и т. д. Расцвет минойской культуры начинается со II среднеминойского периода. Это — время первого дворца в Кноссе и в Фесте, ваз Камарес. Высшего блеска минойской культуры и могущества Крит достигает в конце среднеминойской и в начале позднеминойской эпохи. Это время второго дворца в Кноссе и Фесте, дворца в Агии Триаде, эпоха натурализма. К ней относится большая часть фресок, «ваза

жнецов», изображение козы с детенышами, диск из Феста, быть может, линейное письмо. Второй позднеминойский период характеризуется господством условного, так называемого «дворцового стиля»; к последней эпохе (III) позднеминойской принадлежат, как уже упомянуто, глиняные саркофаги, ларнаки.⁵ Что касается расписного саркофага из Агии Триады, о котором мы говорили, то его тоже относят к позднеминойскому периоду, ко II, если не к началу III.

Эгейская культура на островах.

Не говоря уже о лежащем близ самого берега Крита островке Мохле, где найдены поселение и многочисленные могилы, а в них различные предметы, эгейская культура обнаруживается на Кикладских и других островах Архипелага, особенно на Фере, под толстым слоем лавы, и на Мелосе. С последним Крит имел тесные сношения: в древности Мелос был главным поставщиком орудий из обсидиана, т. е. из вулканическо-

---

⁵ Хронологию минойской культуры можно приблизительно установить благодаря тому, что критско-микенские предметы находятся среди египетских памятников, время которых известно; с другой стороны, египетские предметы, время которых может быть установлено, имеются в слоях критско-микенской культуры.

го стекла, образующегося при извержении вулканов из расплавленных горных пород вследствие быстрого остывания их: такие орудия встречаются и на Крите, куда бни доставлялись с острова Мелоса. На Мелосе в Филакопи были поселения в роде тех, которые находились на Крите в Гурнии. Имеются развалины трех городов, последовательно строившихся один на месте другого. Наиболее обращают на себя внимание дома второго города, обыкновенно состоявшие из двух комнат, и интересные фрески с изображениями летающих рыб. От третьего города сохранились остатки дворца; улицы этого города пересекались под прямым углом. Из предметов, находимых вообще на Кикладах, следует отметить «обрезные камни», геммы, керамику, каменные женские «идолы» со скрещенными руками и изображения в виде скрипки или цифры 8.

Следы критско-микенской культуры имеются и на Родосе, Кипре, где, однако, существовала и иная, хотя бы и родственная культура («Кипрские вазы»), на Эгине.

III. Троя.

Гиссарлык и местоположение Трои. — Первый город. — Второй город. — Шестой город или гомерическая Троя.

Кроме Крита, другим замечательным местонахождением древнейшей культуры в районе Эгейского моря была Троя.

Гиссарлык и местоположение Трои.

В северо-западном углу Малой Азии, неподалеку от Геллеспонта, возвышается холм, по-турецки называемый Гиссарлык (собственно Асарлык), что значит «Место развалин». Это и есть то место, где в греко-римскую эпоху был Новый Илион, а раньше — прославленная в преданиях гомерическая Троя, отыскивая которую Шлиман произвел тут свои знаменитые раскопки. Местность совершенно соответствует описаниям Гомера. На юго-восток от Гиссарлыка возвышается величественная гора Ида, на вершине которой, как говорится в VIII песне Илиады (ст. 51 сл.), Зевс воссел, «град созерцая Троян и суда меднобронных Данаев», и с которой он метал гром и молнию в «ахейские рати». На запад пред Гиссарлыком расстилается долина древнего Скамандра (теперь р. Мендере), на север — доли-

на Симоиса (теперешнего Думбрека), далее виднеются Геллеспонт и море, острова Тенедос, Имброс и горная вершина Самофраки «лесистой», с которой «мощный земли колебатель», Посейдон, взирал на кровавую битву:

«оттоле великая виделась Ида,

Виделась Троя Приама и стан корабельный Ахеянь».

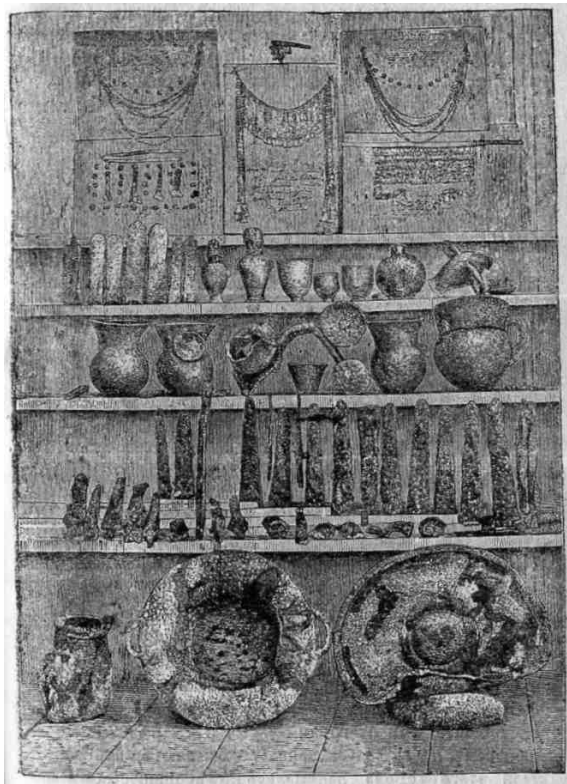
(Ил., XIII, 10 сл.).

Здесь, на Гиссарлыке, в древности существовало девять поселений, возникавших одно за другим, начиная с древнейших времен и кончая греко-римской эпохой. Тут пред нами смена разных культурных периодов.

Первый город.

Древнейшее поселение или «первый город» (первый — считая снизу, от твердой земли или материка) относят к неолитической эпохе, приблизительно за 3000 лет до Р. Х. Ряд небольших стен, внутри их довольно жалкие жилища, каменные орудия — топоры, ножи и проч. — из нефрита; утварь — сосуды преимущественно черные из глины, сделанные большей частью от руки, без всяких украшений или с украшениями чрезвычайно простыми, первобытными, в роде зигзагообразных линий и точек, нацарапанных на глине и наполненных мелом; раковины, рыбные кости и кости животных — быка, барана, козы, кабана, — все

это указывает на еще низкую степень культуры обитателей этого «города», занимавшихся скотоводством и рыбной ловлею.

11. «Большой клад»

Второй город.

Гораздо интереснее, богаче и сильнее, несравненно выше в культурном отношении был второй город или, собственно говоря, акрополь (по-нашему вышгород или кремль), защищенный крепкою стеною, с сильными выступами и воротами. За нею, внутри — здания: между ними место пребывания властителя — дворец, открытый к югу, представляющий уже в зародыше тот вид дворцов, который развился в более позднюю, микенскую эпоху. О богатстве и сношениях владельцев этого «города» говорят предметы, найденные в нем, в особенности так называемый «большой клад» (рис. 11 [стр. 60]), об открытии которого Шлиманом мы уже рассказывали, — слитки серебра, сосуды и блюда из драгоценных металлов, золотые диадемы и множество мелких вещей. Оружие — бронзовое. Кроме металлических сосудов, интересны глиняные разнообразной формы, напр. с изображением лица (т. наз. «лицевые вазы») (рис. 12 [стр. 62]) или животных, а из идолов обращает на себя внимание женская нагая фигура, с локоном волос в виде рога около уха, со скрещенными на груди руками и с резким обозначением пола. Запасы зерна показывают, что обитатели этого города занимались хлебопашеством наряду со скотоводством.

12. Сосуд с изображением лица.

Этот второй город, ошибочно принятый Шлиманом за гомерическую Трои, более древний, чем эпоха

гомерическая и даже эпоха, характеризующаяся памятниками Микен, относится к бронзовому веку, ко второй половине III тысячелетия (ок. 2500—2000). В его существовании было два или даже три периода и пал он вследствие какой-то катастрофы, погиб в огне, от пожара и, вероятно, руки врага.

Культура двух первых городов называется *тroyанскою*. Она, как сказано, древнее культуры не только гомерической, но и микенской.

Шестой город или гомерическая Троя.

На месте этих городов возникли одно за другим три незначительных поселения (III, IV и V «город»), а затем «шестой город», исследованный Дерпфельдом и относящийся ко второй половине II тысячелетия (приблизительно к 1500—1100 г.) до Р. Х., — город с микенскою культурою. Это и есть Троя, воспетая Гомером. Ее акрополь — ибо, в сущности, и здесь сохранились развалины только акрополя — занимает значительно большее пространство, чем «второй город». Он обнесен был могучей стеной, шедшей полукругом, ломаной линией, из больших, хорошо отесанных и пригнанных один к другому камней. Ее защищают с боков далеко вперед выступающие три башни, при чем северо-восточная башня, самая большая и крепкая, имела внутри коло-

дезь, очевидно, чтобы не лишить защитников воды на случай осады. В стене трое больших ворот. Постройки расположены на трех концентрических, т. е. имеющих общий центр, террасах, подымавшихся к середине акрополя. Внутри стен, на второй и третьей террасе, многочисленные здания; в самой середине, на вершине, — дворец царя. Стены зданий из тесаных гладко камней, что напоминает описание у Гомера дворца Приама и его спален, которых было «двенадцать, под кровлей одною, из тесаных камней». В помещении, служившем кладовой, при раскопках найдены стоящими один подле другого огромные глиняные сосуды, пифы, в которых хранилось зерно и прочие припасы. И живо вспоминаются слова Гомера о кладовой Телемакова отца (Одиссея, II, 338 сл.): это было

«Зданье пространное; злата и меди там кучи лежали;
Много там платья в ларях и душистаго масла
хранилось; *Куфы из глины с вином многолетним и
сладким стояли Рядом у стен, заключая божественно-
чистый напиток.*

Сосуды и вообще предметы в шестом городе — микенской эпохи. Очевидно, были тесные связи и сношения этого города с центрами критско-микенской культуры, но все здесь мельче, нежели на Крите, в Кноссе и Фесте.

И этот город погиб, подобно второму, вследствие

внешней катастрофы — от огня и руки победителя, о чем говорят следы сильного пожара и разрушения. Так поэтические предания греков о падении Трои находят себе подтверждение в новейших открытиях, в свидетельствах археологии. Здесь, у Геллеспонта, где азиатский берег так близок к европейскому, в этой местности, которая служила мостом из Азии в Европу, происходила борьба. Мы видим более, нежели тысячелетнюю историю, разные слои культуры, ряд поселений, одно на месте другого, из которых некоторые погибали, разрушаемые торжествующим победителем.

IV.

Микены «златообильные» и Тиринф.

Стены и акрополь Микен. — Могилы в акрополе и найденные в них предметы. — Купольные могилы. — Тиринфские стены и укрепления. — Дворец. — Украшения дворцов. — Стенная живопись. — Время микенской культуры; ее отношения к Криту.

На континенте Греции главным средоточием эгейской культуры являются *Микены* и *Тиринф*. Оба города, как уже упоминалось, были в Пелопоннесе, в области Аргολиды, обращенной к Востоку.

Стены и акрополь Микен.

Столица Агамемнона, по преданию греков, место действия кровавых драм в его семье, «богатые золотом» Микены, как называет их эпос, находились в верстах 15 от морского берега, на пути в Коринф и к Коринфскому заливу, и расположены были между двумя горами на плоскогорье. В противоположность незащищенным критским дворцам в Микенах мы видим акрополь, хорошо укрепленный. Он был окружен громадными, «циклопическими» стенами, толщиной от 3 до 7 метров, а кое-где даже и до 14 м. В их кладке можно различить тройкую технику: в одном месте — почти не отделанные каменные глыбы, в другом — большие че-

тырехугольные камни, положенные правильными горизонтальными слоями, и, наконец, отесанные, тщательно подогнанные один к другому многоугольники правильной формы. Очевидно, стены эти принадлежат разному времени: первые, сложенные из неотделанных каменных глыб, древнее, последние из многоугольных камней — новее. Доступ в акрополь открывали знаменитые «Львиные ворота» (рис. 13 [стр. 68]): два колоссальных камня, сверху прикрытых толстою плитою, на которой стоит колонна, несколько расширяющаяся кверху, а по бокам ее две львицы. Внутри акрополя был дворец с мегароном или залой.

13. Львиные ворота.

Могила в акрополе и найденные в них предметы.

О богатстве и роскоши микенских властителей красноречиво говорят нам могилы в виде шахт, которые открыты были Шлиманом в акрополе недалеко от Львиных ворот и которые впервые дали ясное понятие о микенской культуре. Могилы эти, если не Агамемнона и его спутников, как убежден был Шлиман, то, во всяком случае, царские, с массой разного рода драгоценностей и украшений; с золотыми масками на лицах некоторых покойников (рис. 14 [стр. 70]); с золотыми идольчиками женского божества — вроде Астарты, — у которого на голове и на плечах изображены голуби (рис. 15 [стр. 71]); с изображениями бычачьей головы, знакомыми нам по Криту, грифонов, полипов, медуз; с многочисленными сосудами из глины, алебастра, меди, серебра и золота; с оружием. С точки зрения техники и по сходству с находками в Египте замечательны бронзовые мечи или, скорее, кинжалы, обоюдоострые, довольно узкие, но длинные: ими можно было колоть, но не рубить. На их клинках — накладные изображения (инкрустации). На одном изображен, напр., берег реки с растениями вроде папируса и хищные животные (кошки?), бросающиеся на птиц, похожих на уток (рис. 16 [стр. 71]); на другом чрезвычайно живо пред-

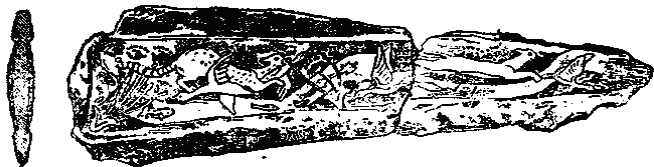
ставлена борьба со львами; на третьем — три бегущих друг за другом льва. По живости и натуральности замечательны также сцены охоты и сражения, вырезанные на перстнях.

14. Золотая маска.

15. Золотой идольчик.

16. Изображение на клинке.

Есть вещи и черты в Микенах, чрезвычайно напоминающие описываемые Гомером, ибо эпос хранит память о микенской культуре: последняя находит себе в нем отражение наряду с собственно гомерической эпохой. Один кубок, золотой, с двумя ручками, сверху

которых изображено по голубю, удивительно похож на кубок Нестора, о котором говорится у Гомера (Ил., XI, 632 сл.), что был он

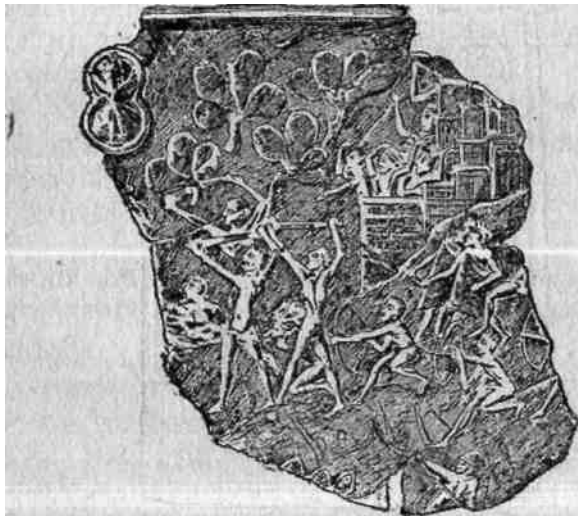
**«Дивно прекрасный, гвоздями усеянный весь
золотыми,**

**Ручки имел он четыре, и около каждой паслися
Горлицы две золотыя»...**

(Перев. Н. М. Минского).

А обломок серебряной вазы дает выпуклое (в виде рельефа), очень живое изображение сражения у городской стены: сделана, по-видимому, вылазка; впереди идут пращники, подняв высоко над головой пращи, за ними стрелки из лука, немного припав на колена, и наконец прикрытые большими щитами воины с копьями. Большинство сражающихся представлены нагими. На холме возвышается городская стена; на ней — жители, женщины; их позы и жесты выражают сильное волнение; за ними видны здания; на фоне — деревья (рис. 17 [стр. 73]). С костюмом и вооружением воинов знакомит нас большая ваза позднейшего времени микенской культуры: воины изображены здесь в шлемах, с небольшим круглым щитом, копьем, в короткой одежде, заменяющей панцирь.

17. Сражение у городской стены.

Сцены из военной и охотничьей жизни имеются и на некоторых из тех каменных стел или плит, которые найдены выше могил и которые, несомненно, имеют отношение к погребению;⁶ на них изображается напр.,

---

⁶ К погребению имеет отношение и каменный круг из двойного ряда или кольца каменных плит, поставленных вертикально и сверху прикрытых тоже плитами, и овальный

колесница; на ней воин, правящий конем; с боку у него меч; а впереди коня — человек с поднятым мечем (рис. 18 [стр. 75]). На одной стеле изображено еще животное, по-видимому, собака. Орнамент или украшения обычные, характеризующие памятники микенской культуры, — в виде спиралей.

алтарь, циклопической постройки, из больших камней, с круглым посредине отверстием в виде колодца; круг находился в древности на самой поверхности, а под ним были алтарь, стелы и могилы.

18. Могильная стела (плита) с изображениями.

Купольные могилы.

За пределами акрополя находились другие могилы — куполообразные, или купольные, имевшие форму купола, тоже царские или, во всяком случае, знатных особ, и тоже микенской эпохи, но более позднего ее

периода, нежели шахтообразные в акрополе. Самая знаменитая из них — так называемая «Сокровищница царя Атрея», дающая, в свою очередь, понятие о роскоши и богатстве тогдашних погребальных сооружений. К куполообразному помещению вел длинный ход или коридор (дромос); у входа два столба, книзу суживающиеся, из темно-серого алебаstra, украшенные зигзагами и спиралями; над дверями, замыкая углубление, в виде треугольника, — плита из красного порфира, тоже с украшениями; остальная часть фасада облицована плитами из красного, зеленого и белого мрамора, со скульптурными украшениями. Внутри купол украшен был золотыми розетками, придававшими ему при свете факелов особенно роскошный вид. К куполообразному помещению примыкала небольшая собственно погребальная камера. Микенские могилы показывают, что, по крайней мере, в царствовавших домах и среди знати существовало почитание предков.

У стен микенского акрополя ютился небольшой город, судя по следам домов и многочисленным могилам, небольшим, гораздо более простым, нежели описанные выше.

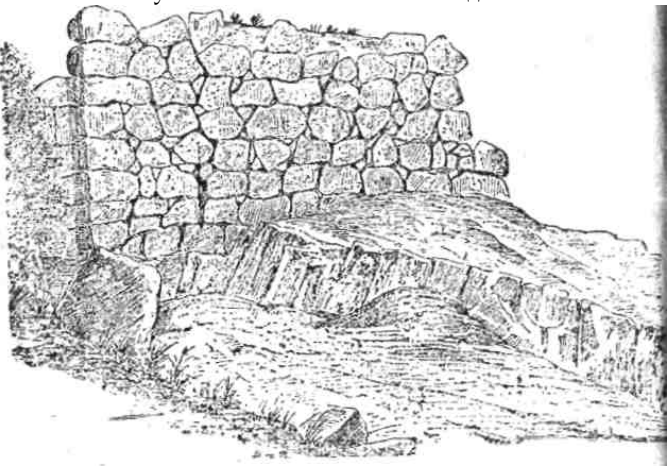
Тиринфские стены и укрепления.

В Тиринфе особенное внимание обращают на себя его укрепления и дворец.

Тиринф лежал ближе к морю, верстах двух от берега, на скалистой возвышенности, подымавшейся из окружающей болотистой низменности. Развалины его до начала раскопок Шлимана и Дерпфельда представляли собой груды каменных глыб, еще более громадных, нежели те, какие находятся в Микенах. Это — остаток древних тиринфских стен (рис. 19 [стр. 78]), о которых древний греческий путешественник Павсаний говорит, что они наравне с так назыв. «Сокровищницею царя Миния» в беотийском городе Орхомене заслуживают не меньшего удивления, чем египетские пирамиды. Подобно Микенам, и Тиринф считался у греков сооружением «циклопов». По преданиям он древнее Микен, которые, возвысившись, затмили его славу и даже впоследствии подчинили его себе.

Тиринфский акрополь венчал собой возвышенность в 300 метров длины и 100 ширины. Возвышенность эта, понижаясь к северу, состоит как бы из трех террас. На самой высокой террасе, на юге, находился царский дворец, на средней — помещение для слуг и воинов, а ниже тянулись кладовые, конюшни и прочие службы.

Все это окружено было высокими толстыми стенами, сложенными из слегка лишь отесанных — да и то не всегда — каменных глыб громадных размеров и тяжести, весом от 200 до 800 пудов. В промежутках между этими огромными глыбами насыпан более мелкий камень. Стены толщиной в нижней части акрополя 7—8 метров, а в верхней — от 5 до 15 и даже до 17½ метров. В толще их существовала целая сеть ходов и коридоров, камер со стрельчатым сводом. Эти своего рода казематы служили магазинами или кладовыми.

19. Стены Тиринфа.

В акрополь было два входа. Один — на западной стороне, узкий, доступный только для пешеходов; тут лестница вела ко дворцу. Другой, главный вход или, лучше сказать, въезд, находился на восточной стороне. Здесь дорога, постепенно поднимаясь, шла сначала по направлению с севера на юг у подножия окружной стены акрополя, под прикрытием ее выступов и башен. Дойдя до самой вершины возвышенности, она через проход, оставленный в окружной стене, вступала в узкий промежуток, образуемый слева только что названною стеною, а справа дворцовыми стенами, и таким образом шла до ворот, имевших крепкие запоры. Минувши ворота, дорога приводила, наконец, к просторной площадке, в юго-восточном углу акрополя, где находились большие крытые ворота, Пропилеи, служившие уж входом в дворцовые помещения.

Таковы были тиринфские укрепления. Тут виден строго обдуманый план, целая сложная система. Имелось в виду, чтобы в случае вторжения неприятеля правая сторона нападающих, не прикрытая щитом, находилась под ударами защитников акрополя. А чтобы выполнить подобный план, чтобы возвести стену из огромных камней, весом в несколько сот пудов, нужны были опытные и искусные архитекторы, целые отряды рабочих и громадные средства.

Дворец.

Тиринфский дворец занимал пространство вдвое, если не втрое меньше, чем большие критские дворцы. Примыкавший к нему двор был окружен крытыми галереями и вымощен мелким камнем. И у Гомера, при описании дворца Одиссея (XVII, 264 сл.) упоминается «широкий и чисто мощеный двор». Основной план главной части дворца тот же что и греческого храма. Тут мы видим большую залу и посреди нее домашний очаг, окруженный четырьмя колоннами, что опять соответствует описанию Гомера: Навсикая говорит Одиссею (Од., VI, 305), что, войдя во дворец Алкиноя, он найдет царицу «там перед ярко блестящим очагом»,

**«С чудным искусством прядущую тонкопурные нити
Подле колонны высокой, в кругу приближенных
служанок.**

**Там же и кресла царицы стоят у огня, и на них он
Сидя вином утешается, светлому богу подобный».**

Слева главного строения были многочисленные коридоры и небольшие комнаты, в числе которых обращает на себя внимание баня или ванная. Ее пол состоит весь из одного громадного камня весом, по крайней мере, в 20000 килограммов, т.-е. более 1200 пудов; посреди находилась ванна и устроен был особый канал для стока воды. Известно, какую роль играет омовение

в гомерическом эпосе: первое, что предлагают путнику или гостю, — это принять ванну... Направо от главной половины дворца находилась другая, вероятно, женская, половина, не имевшая прямого, непосредственного сообщения с залой, отделенная от нее целым рядом дверей и узких переходов. В этой же части дворца, наиболее удаленной, были спальня, оружейная, казнохранилище и т. п.

Под этим дворцом, открытым Шлиманом, был дворец более древний, открытый Дерпфельдом, а под ним, во дворе, несколько небольших могил (в одной из них труп в сторбленном положении), а ниже слоя могил — два древнейших поселения.

Украшения дворцов.

Владельцы «микенских» дворцов заботились не только об их укреплении и об удобствах, но и об их украшении. До известной степени подтверждаются слова Телемака, при виде дворца Менелая (Од., IV, 71 сл.):

«Видишь, как много здесь меди, сияющей в звонких покоех;

Блещет все золотом, серебром, янтарем, слоновою костью;

...

Чтр за богатство, как много всего».

Или вспомним известное описание Алкиноева дворца в Одиссее (VII, 81 след.):

«Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц
Было в палатах любезного Зевсу царя Алкиноя:
Медные стены во внутренность шли от порога и были
Сверху увенчаны светлым карнизом лазурного камня;
Вход затворен был дверями литыми из чистого золота:
Притолки их из серебра утверждались на медном
пороге...

...

Две — золотая с серебряной — справа и слева стояли,
Хитрой работы искусного бога Ифеста, собаки
Стражами дому любезного Зевсу царя Алкиноя:
Были бессмертны они и с течением лет не старели.
Стены кругом огибая, во внутренность шли от порога
Лавки богатой работы; на лавках лежали покровы,
Тканые дома искусной рукою прилежных работниц;
Мужи знатнейшие града садились чином на этих
Лавках, питьем и едой наслаждаться за царской
трапезой.

Зрелись там на высоких подножиях лики златые
Отроков; светочи в их пламенели руках, озаряя
Ночью палату и царских гостей на пирах
многославных.»

В Тиринфе зала ниже карниза украшена была лазоревым камнем, с изображением, между прочим, розеток и спиралей, столь часто встречаемых в Микенах. И в Одиссее стены дворца Алкиноя «были сверху увен-

чаны светлым карнизом лазурного камня».

По поводу описания дворца Алкиноя у Гомера один английский ученый замечает, что первые греческие поэмы распевались людьми, слышавшими об этих дворцах, как о действительно существующих, даже если они сами и не видели их; распевались людьми, быть может, разгуливавшими по дворцам, если не как их строители, то, по крайней мере, как наемники или как пираты.

20. Ловля быка (фреска в Тиринфе).

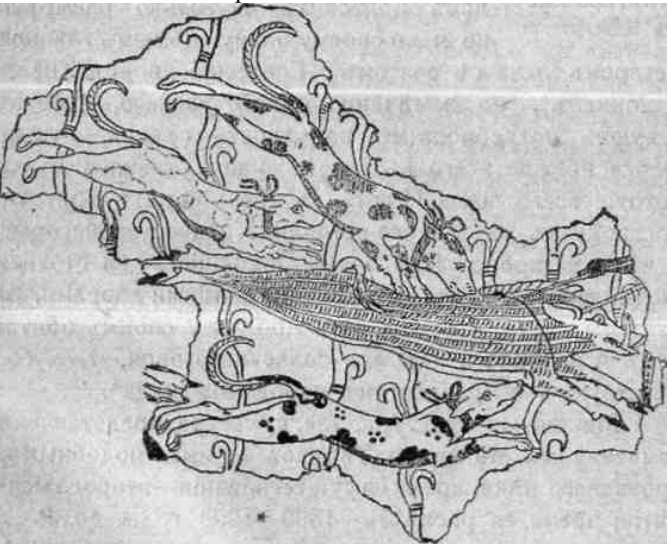
Стенная живопись.

Пол в тиринфском мегароне представляет своего рода мозаику или узорчатый ковер из красных и голубых полос. Но особенно замечательна стенная живопись. На стенах были фрески, не только изображающие спирали и розетки, но и более сложного содержания, освещающие нам тогдашний быт. Части этих фресок сохранились. Так, в упомянутой уже ванной комнате, на стене изображен был мчащийся бык, а на нем человек (рис. 20 [стр. 83]); одной ногой он касается спины быка, а другая высоко приподнята в воздухе; левою рукою он держит быка за рога, — сюжет, столь распространенный и на Крите, имеющий, быть может, отношение к культу. Фон картины голубой; бык — желтоватый с красными пятнами. Фреска эта известна еще со времени раскопок Шлимана. Еще интереснее фрески, открытые в недавнее время. В более древнем дворце, раскопанном после Шлимана, имеется часть картины, изображающая двух идущих «охотников» или «оруженосцев», с обнаженной головой, с черными волосами, ниспадающими до плеч, с локонами на лбу, в одежде с короткими рукавами, стянутой у талии поясом и доходящей до середины бедер; у каждого в правой руке по два копья. Картина, украшавшая второй, более поздний, дворец, представляла, судя по остаткам

изображения, какую-то процессию женщин почти в натуральную величину. Техника этих фресок — критская, тела мужчин — темного цвета, женщин — белого; та же, что и на Крите, манера изображать голову, глаз, волосы. Костюм «дам» тоже критской моды: корсаж с короткими рукавами, широко открытый спереди, с сильно выдавшейся вперед грудью, платье с несколькими рядами оборок. Но одежда мужчин иная, чем на Крите.

Особенно же замечательны сцены охоты. Одна из сохранившихся частей фрески изображает травлю кабана (рис. 21 [стр. 86]); большие рябые собаки, в ошейниках, его настигают; впереди видна рука, вонзающая копье в плечо кабана; другое копье вонзилось около уха. В другой части той же фрески — кабан, попавший в сети; охотники или слуги, пешие, держат еще не спущенных собак. В охоте принимают участие и женщины; с краю изображены колесницы с «дамами», быть может, приглашенными зрительницами. Фреска эта покрывала верхнюю часть всех четырех стен мегарона. Подобные охотничьи сцены сравнивают с охотой восточных, ассирийских царей или средневековых знатных феодалов: могущество архейское, которое воспевают гомерические поэмы, находит себе здесь, в Микенах и Тиринфе, «наиболее верное свое изображе-

ние». Вообще тут все носит более воинственный отпечаток, нежели на Крите.

21. Травля кабана (фреска в Тиринфе).

Время микенской культуры; ее отношение к Криту.

Тиринфский дворец, как и другие «микенские» дворцы, отличается от дворцов критских не только

размерами, но и по своему плану: в нем главное — мегарон, зала с очагом. «Греческие дворцы Тиринфа и Микен», по замечанию одного ученого, «соответствуют потребностям народности севера, нуждающейся прежде всего в тепле: очаг ставился в средоточие всего дома. И вот в древнейших критских постройках нет этого источника искусственного тепла и нет мегарона. Их залы, покоящиеся на столбах, с галереями и открытыми внутренними дворами, рассчитаны на то, чтобы давать прохладу своим обитателям и защищать их от солнечного зноя, т. е. соответствуют потребностям народа-южанина».

Микенская культура, т. е. культура, представленная памятниками Микен и Тиринфа и им подобными, — бронзового века; время ее существования — второе тысячелетие; время ее расцвета — 1500—1200 годы до Р. Хр. В ее истории замечается несколько периодов. Мы видели, что в Тиринфе был древнейший и более новый дворец, что кладка стен в микенском акрополе по своей технике изобличает разные периоды. Начало Тиринфа и его стен относится к древнейшему времени; шахтообразные могилы в акрополе в Микенах древнее купольных, находившихся за акрополем, и т. д. Вообще же микенская эпоха соответствует позднеминойской на Крите.

«Микенские» изделия и памятники во многом сходны с критскими. И это понятно: по Эгейскому морю, между Арголидой и Критом, велись сношения, и последний влиял на первую. С Крита ввозились предметы, являлись мастера; под воздействием критских и иных образцов возникло, вероятно, и местное производство. Исследователь недавно открытых фресок в Тиринфе, напр., полагает, что живопись достигла на Крите своего высшего развития, когда она была перенесена на континент, и там она имела блестящее существование до тех пор, пока процветала у себя на родине; вторжения, разрушившие мастерские на острове, обрекли ее на упадок и в тех даже странах, где она еще продолжала существовать. Но каковы были политические отношения Микен и Тиринфа к Криту, мы не знаем, равно как мы не можем с уверенностью сказать, в каком отношении находились друг к другу Микены и Тиринф, — были ли это два соседних владения, быть может, вассальное, зависимое одно по отношению к другому, или же это столицы одного и того же царя? Единого государства в Греции, вероятно, и тогда не было.

V.

Распространенность эгейской культуры.

Эгейская культура на востоке Греции. — Культура в Фессалии. Эгейская культура на Западе. — Трипольская культура.

Эгейская культура на востоке Греции.

На континенте Греции критско-микенская или эгейская культура была распространена не в одной только Арголиде: она захватывала преимущественно восточную часть Греции, обращенную к Эгейскому морю, к Криту и к культурным странам древнего Востока, от южной оконечности Пелопоннеса и до северной Фессалии. Она существовала в Лаконии, о чем свидетельствуют не только Гомерические поэмы (в IV песне Одиссеи, где рассказывается о пребывании Телемака у Менелая в Спарте), но и археологические данные: близ Амикл, в Вафио, есть купольная могила и найдена известная золотая чаша с прекрасными изображениями ловли или усмирения быков, — сюжет, столь характерный для критско-микенской эпохи. А в Спарте было позднемикенское поселение, разрушенное огнем. В Аттике встречаются «микенские» могилы. В самых

Афинах, в акрополе, на том месте, где потом воздвигнут был знаменитый храм богини Афины-Девственницы, Парфенон, во II тысячелетии до Р. Хр. возвышался «микенский» дворец, а среди наиболее глубоких слоев «персидского мусора», образовавшегося вследствие разрушения во время персидского нашествия, попадает утварь в роде троянской. Есть следы критско-микенской культуры в Дельфах; недаром легенды устанавливают связь между Критом и дельфийским Аполлоном: они рассказывают, что критские моряки, путеводителем которых был сам Аполлон, явились в Дельфы и стали здесь его первыми жрецами.

Еще более крупные следы оставила эгейская культура в Беотии, в особенности в местности у Копайдского озера. В Орхомене, на северном берегу озера, были памятники древности, по словам Павсания, не менее достойные удивления, наравне с тиринфскими, чем египетские пирамиды. Здесь была знаменитая «Сокровищница царя Миния», — купольная могила в роде микенских; орнамент (украшения) в виде спиралей и розеток на ее потолке подобен украшениям тиринфского дворца. Вообще верхний слой Орхомена хранит остатки «микенского» дворца с живописью, подобной фрескам на Крите и в Тиринфе, и с многочисленными сосудами, на одном из которых — надпись в роде крит-

ских письмен.

У самого озера Копайдского устроены были в древности огромные сооружения, с целью его осушения, среди же озера на острове находился громадный дворец; к нему тесно примыкал город, вокруг которого, по берегам озера, шла циклопическая стена.

Культура в Фессалии.

Что касается северной области Греции, *Фессалии*, то здесь не столько интересны остатки микенской культуры, сколько находящиеся глубоко под микенским слоем, остатками дворцовых сооружений, следы гораздо более древней неолитической культуры в «доисторических акрополях» близ Воло в Сескло и Димини, — культуры, которая существовала здесь очень долгое время и начало которой относят за 3000 лет до Р. Хр. По мнению некоторых ученых, в том числе исследователей «доисторической Фессалии», в северной Греции в доисторические времена господствовала культура иного происхождения, чем та, которая шла с юга, с Крита: Фессалия — представительница в Греции того течения, которое шло с севера, из Средней Европы; здесь оба течения сталкивались, и Фессалия была рубежом между миром эгейским и народами балканскими; микенское же влияние явилось в нее поздно, было поверхностным, в глубь страны не проникло и

ограничивалось берегом. Другие здесь видят лишь разветвление одной общей культуры, существовавшей некогда на Крите и других островах Эгейского моря, и признают, таким образом, единство ее, все равно, искать ли родину этой культуры на юге, на Крите, или же на севере, в средней Европе и даже на западе. Во всяком случае есть черты сходства между неолитической культурой Фессалии и напр. культурой троянской, вообще эгейской.

Эгейская культура на западе.

Критско-микенская культура проникала и на запад Греции. Ее остатки встречаются в Олимпии, около которой впоследствии происходили знаменитые священные игры греков; на месте Пилоса, столицы старца Нестора; на острове Левкаде, которую некоторые из современных ученых отождествляют с родиной Одиссея, Итакой, что, впрочем, подвержено еще спору, и на Кефалении, где, кроме купольных могил и вообще предметов микенской эпохи, открыта неолитическая стоянка с погребением внутри или около хижин. Ее следы имеются и за пределами Греции — в Сицилии и Сардинии, в Италии (в особенности обращают на себя внимание черты сходства между этрусской и эгейской культурой), даже на Пиренейском полуострове: по видимому, эгейцы проникали на дальний запад, в Ис-

панию, за серебром, которым та была богата, хотя прочных поселений они там и не основывали. Найденные же в Микенах украшения или шарики из янтаря указывают на какие-то сношения с далекими берегами Балтийского моря.

Трипольская культура.

Неолитическая же культура с чертами, напоминающими троянскую и ту, которая находится под микенским слоем в Фессалии, открывается на север от Греции — во Фракии и Македонии, Сербии и Боснии, в Венгрии и Румынии, Боковине и Галиции. Ее следы идут далеко в среднюю Европу, в Чехию, и на северо-запад до Дании и Франции. Мы встречаем ее и в Украине, в Черниговской, Киевской губ., в Бессарабии. Это — та культура, которая у нас открыта была В. В. Хвойкой и названа по имени лица, ее открывшего, «культурой Хвойки» или «трипольскою», от местечка Триполье (Киевской губ.), где она впервые обнаружена. Следы ее найдены потом проф. Э. Р. ф. Штерном в деревне *Петрены*, в Бессарабии, и ведут они к Балканскому полуострову. Это — прямоугольные «площадки», близко лежащие одна от другой, с плотно утрамбованным глиняным полом, с признаками глиняной обмазки на круглых бревнах, служившие, вероятно, местом погребения и жертвоприношений; многочисленная

утварь — сосуды, имеющие форму груши или двойного бинокля, со спиральным узором, небольшие кубки, чашки и кружки с украшениями в виде шнура или точек, обломки более тонких, лучше обработанных глиняных сосудов, окрашенных черной, красной и темно-коричневой краской на гладком полированном желтом или коричневом фоне; сосуды с изображениями человеческого лица или животных; человекообразные идолы из глины, кремневые ножи, метательные камни и т. под. Расписная керамика этой культуры представляет сходство с троянской и критско-микенской.

В виду такого сходства многие принимают рассматриваемую культуру за одно целое. По словам русского археолога Б. В. Фармаковского, все памятники этой культуры свидетельствуют об однородном стиле в искусстве, одинаковой письменности, одной религии и вообще об едином мировоззрении. Но вопрос в том, где родина этой культуры и откуда шло ее распространение. Одни принимают за родину ее среднюю Европу или южную Русь; по их мнению, племена, с неолитической культурой, идут на юг, заселяют район Эгейского моря, где культура и достигает пышного расцвета. Другие принимают обратное движение — с юга на север и в неолитической культуре средней Ев-

ропы и Украины видят влияние, отражение культуры критско-микенской. Но возможно и третье решение: сходное, но независимое развитие неолитической культуры там и здесь, самостоятельное достижение сходных черт и результатов.

Если признать единство эгейской культуры, то как далеко простиралась она и ее влияние — от Крита до Балтийского моря, от Киева и Черниговской губ., чуть ли не до берегов Испании! Во всяком случае это была одна из величайших культур древнего мира: *эгейская культура была первою великою культурою в Европе.*

С другой стороны, между критско-микенским культурным миром и древним Востоком существовали довольно тесные сношения, связь и взаимодействие.

VI.

Эгейцы и Восток.

Эгейцы и море. — Черты сходства эгейской культуры с восточными. — Сношения и связи с Египтом. — Свидетельства египетских памятников. — Занятия эгейцев.

Эгейцы и море.

Эгейцам — понимая под этим именем не только обитателей островов, но и вообще носителей эгейской культуры — море было хорошо знакомо. Это показывает столь употребительное у них, частое изображение волнообразных линий, морских растений, полипов, медуз, спрутов и других низших морских животных, рыб и крабов. Имеется и изображение корабля, найденное на одном из островков близ Крита. По всей вероятности, эгейцы имели большой флот. Вспомним, что говорит Фукидид о господстве на море Миноса (см. выше стр. 17 [25]). По Эгейскому морю и в восточной части Средиземного велись тогда уже сношения, перевозились продукты из одних стран в другие; тут скрещивались и переплетались различные культурный влияния, оказывали взаимодействие друг на друга, и видную роль культурных центров и, так сказать, узлов должны были играть такие острова, как Крит, уже по

самому своему географическому положению. Должны были установиться и близкие связи с культурным Востоком.

Черты сходства эгейской культуры с восточными.

Критско-микенская культура имела точки соприкосновения с культурой Малой Азии, Месопотамии, Сирии и Палестины. Так, напр., микенские могилы имеют сходство с памятниками Фригии, Карики, Ликии. Львы на микенских воротах напоминают нам тоже Фригию, пожалуй, Ассирию, но особенно памятники народа хеттов, остатки культуры которых открыты в центре Малой Азии, в Каппадокии, на берегах Галиса, в Богазкёе: здесь тоже встречаются изображения львов, охраняющих врата, не в виде отдельных фигур, а связанных с каменными плитами, как бы прилепленных к этим плитам. Отмечают, что и двойной топор — священный символ у хеттов. Двойная секира между рогами быка находит себе подобие и в Карики, в отличительной принадлежности карийского божества Зевса Лабрандийского и в позднейшем карийском гербе на монетах. Изображения в роде «великой матери» указывают на Малую и Переднюю Азию и на влияние опять-таки хеттов, у которых изображения божеств, стоящих на животных и на горах, являются специаль-

ною принадлежностью религии. Женские идольчики с голубями напоминают семитическую Астарту. Найденная на Крите в Кноссе вавилонская печать в виде цилиндра явно свидетельствует о сношениях с Месопотамией. В южной Сирии, в Гезере и других местностях обнаружены эгейские гончарные изделия, оружие, постройки эгейского типа, которые говорят о влиянии критско-микенской культуры, что вполне понятно, если вспомнить, что поселившиеся здесь филистимляне явились сюда, по свидетельству Библии, из Кафтора, т. е. с Крита. Найденное в Микенах натуральное страусовое яйцо прямо указывает на Восток и на Африку.

Сношения и связи с Египтом.

Особенно же заметны сношения и связь между Эгейским миром и Египтом. Оказавшийся в кносском дворце, среди сосудов древнейшего периода, кусок чаши египетской формы, но из липарита, т. е. из вулканической горной породы, находимой на Липарских островах, к северо-востоку от Сицилии, бросает свет на сношения Крита, на его посредничество между далеким западом, Италией, и долиной Нила еще в IV тысячелетии до Р. Х. В том же дворце оказалась крышка к вазе, из египетского алебаstra, с именем Хиана, наиболее выдающегося из царей гиксосов, пришлого народа,

одно время властвовавшего над Египтом (приблизительно за 1700 лет до Р. Х.): «Бог благой Свесер-ни-Ра, сын Ра-Хиан», что явно уже указывает на ранние сношения Крита с Египтом. На Крите и в Микенах встречаются египетские скарабеи (фигуры жука) с именем Ти или Тии, египетской царицы, любимой и влиятельной жены фараона Аменхотепа (или Аменофиса) III, XV ст. до Р. Х., и с именем самого Аменхотепа. Среди находок на Крите попадает статуя египтянина, сфинкс и т. п. Вспомним также, что на известной «вазе жнецов» из Агии Триады есть изображение музыкального инструмента, похожего на египетский. А изображения на найденных в Микенах клинках, этот пейзаж, река и растения в роде лилий или папируса, напоминают нам долину Нила.

В свою очередь, находки в Египте, свидетельства египетских памятников говорят о существовании сношений, культурных и политических, между миром эгейским и Египтом, о проникновении критско-микенских изделий в долину Нила, начиная с глубокой древности.

В гробницах фараонов первых двух династий — следовательно, второй половины IV тысячелетия — оказываются обломки глиняных сосудов, напоминающих критско-микенскую керамику. Начало сношений

между островами Эгейского моря и Египтом относится, конечно, к еще более ранней поре. Уже в текстах времен постройки пирамид упоминаются северные страны «Хауинебу», а этим именем, как полагают, обозначались острова и народы Эгейского моря. В эпоху Среднего царства, приблизительно за 2000 лет до Р. Х., один из царских казначеев в надписи с гордостью называет себя «укрощающим Хауинебу», т. е. эгейцев, а писец той же эпохи хвалится, что его пером вписаны в летописи также и Хауинебу.

При существовании сношений между Критом и Нильскою долиной было бы удивительным, если бы в Египет не проникали изделия высоко развитой критской керамики, если бы там не было спроса на эти великолепные вазы Камарес, поражавшие своей красотой и техникой. И действительно, в гробах времен XII династии (за 2000 лет до Р. Х.) найдены обломки критских глиняных сосудов. Столь распространенный в критско-микенском искусстве орнамент — спираль — употребляется и в Египте, хотя трудно сказать, кто у кого ее заимствовал.

22. Кефтиец в изображении на египетских памятниках.

Свидетельства египетских памятников.

Связи между эгейским миром и Египтом особенно усилились при XVIII династии, во времена Тутмоса III и Аменхотепа (Аменофиса) III, т. е. в XV и в начале XIV ст. На египетских памятниках того времени изображаются данники, приносящие свои дары; в числе их — «люди страны Кефтиу»; их дары — слитки серебра, серебряные головы быка, критско-микенские вазы и т. п. (рис. 22 [стр. 101]). Самые фигуры человеческие по типу и одежде похожи на те изображения, которые имеются на стенах кносского дворца. Очевидно, «люди страны Кефтиу» — обитатели Крита и островов Эгейского моря, представители мира критско-микенской культуры. Были ли они в вассальной зависимости от Египта в ту пору, были ли приносимые ими предметы действительно «данью», как гласит официальный текст, сказать трудно; быть может, это были просто дары для поддержания добрых соседских или торговых отношений. Правда, есть указания, что владетель Кипра стал вассалом Египта при Тутмосе III, что флот последнего властвовал в восточной части Средиземного моря и один военачальник этого фараона включает «острова среди моря» в пределы, на которые простиралась его власть в качестве правителя северных стран;

но власть его ограничивалась, в сущности, получением ежегодных даров. А какую роль играл тогда флот эгейцев, видно из того, что, как отмечают летописи Тутмоса III, лес, который египетская армия рубила на горах Ливана, доставлялся в Египет на кораблях Кефтиу. Во всяком случае, тогда существовали живой обмен и тесные сношения между Критом и Египтом, еще более развившиеся при Аменхотепе III.

Мы видели, что на материке Греции и на островах встречаются скарабеи с именем этого фараона И его жены Тии, что клинки, найденные в микенских могилах, указывают на Египет. В свою очередь, подобные предметы встречаются и в Египте. Критско-микенские изделия находят себе все более и более доступ в долину Нила. На кораблях эгейцев сюда доставлялось в большом количестве серебро. На улицах египетских Фив постоянно можно было видеть обитателей критско-микенского мира; существовали, по-видимому, целые поселения, колонии эгейских купцов и мастеров в Египте. Их произведения оказываются среди царских сокровищ во дворце фараонов. В Тель-эль-Амарне, среди развалин этой столицы царя реформатора и еретика Аменхотепа IV, найдено множество микенских черепков (насчитывается 1341).

Во второй половине XIV в., в начале XIX династии,

князя Хауинебу изображаются на египетских памятниках, как покорные фараону. Опять-таки трудно сказать, действительно ли так было или же это изображение только условность, известное преувеличение. А египетские памятники времени начавшегося уже упадка внешнего могущества Египта в конце XIII и в начале XII стол. говорят о нападении северных или «морских народов», о движении этих народов на Египет, о том, что острова стали «беспокойны»...

Отмечая точки соприкосновения между эгейской культурой и древнею восточною, в особенности египетскою, пока нелегко ответить на вопрос: кто на кого больше влиял, кто был стороною дающей и кто — получающей, воспринимающей. Скорее всего, здесь было влияние взаимное, взаимодействие.

Занятия эгейцев.

Из предыдущего видно, какую роль в жизни эгейцев должны были играть мореходство и торговля. Но и скотоводство и земледелие были у них достаточно развиты, как доказывают хлебные, ячменные зерна, найденные в Микенах и Аргосе, и бронзовые серпы на холме микенского акрополя. Пресс для выделки масла, оказавшийся в Кноссе, указывает на существование уже в ту пору культуры оливок. Это подтверждается и находкой масличных косточек в Микенах и Тиринфе, где

оказался целый сосуд, наполненный ими. Были тогда уже известны, вероятно, и виноград, и смоква.

VII.

Кому принадлежала и как пала эгейская культура.

Характер критско-микенских государств. — Кто были эгейцы. — Филистимляне. — Отношение греков к критско-микенской культуре и ее падение. — Сравнение с падением Рима и его культуры.

Характер критско-микенских государств.

Памятники критско-микенской эпохи — «циклопические» стены из громадных каменных глыб; обширные дворцы, богато украшенные, с живописью на стенах, иногда с целым лабиринтом зал, коридоров и комнат, с магазинами и кладовыми для запасов, с местами для зрелищ, как это было в Кноссе и Фесте; царские могилы то в виде шахт или глубоких ям, в которых тела покойников оказываются засыпанными разными драгоценностями, то в виде величественных купольных сооружений, роскошно отделанных; тонкохудожественная утварь и другие изделия, — все это красноречиво говорит нам не только о сравнительно развитой технике, о богатой культуре, некогда процветавшей по берегам и островам Архипелага, о тесных сношениях с восточными странами и т. п., но и о ха-

рактуре государства того времени, о том, что тогдашние цари были могущественными владетелями, что в их распоряжении были силы подвластного им населения, масса рабочих рук, вероятно, рабов, огромные материальные средства. Царей окружает придворная знать, аристократическое общество.

И эта богатая, цветущая культура пала, исчезла, казалось, бесследно. Некоторые воспоминания о ней хранились в преданиях греков, в гомерическом эпосе; но долго ученая критика считала это не отголоском былой действительности, а порождением поэтического вымысла, фантазии. В течение столетий памятники критско-микенской культуры таились в недрах земли, под многовековым мусором, пока наконец, уже в последнюю четверть XIX и в начале XX века не были извлечены на свет Божий. Культура эта погибла в конце второго тысячелетия, около 1200—1100 г. до Р. Х., судя по всему, вследствие какой-то катастрофы — нашествия, завоевания, внешнего толчка. Но были, вероятно, как и всегда это бывает в истории, внутренние причины подобного падения; вероятно, внутренние язвы подтачивали эту на вид столь блестящую культуру; внутри критско-микенских государств происходило разложение, ослаблявшее их силы, и государства эти, с изжившей цивилизацией, не могли уже устоять против на-

тиска внешнего врага, как не устояла могучая, а затем разлагавшаяся римская империя против вторжения германцев.

Кто были эгейцы?

Но кому принадлежала эта культура? Кто был ее носителями? Кто были «эгейцы» и этот внешний враг, нанесший смертельный удар их цивилизации?

Эгейская культура послужила одной из основ культуры греческой, а чрез нее и последующей общеевропейской. Но сама она в своей главной основе была негреческой; только последняя ее эпоха, собственно микенская культура, считается ахейскою, т. е. греческою. Как полагают, греки появились на Балканском полуострове во второй половине III или даже в начале II тысячелетия до Р. Х., т. е. тогда, когда эгейская культура уже существовала. У них сохранились воспоминания о народах, населявших Грецию до них, напр. о пресловутых пеласагах, делегах, этеокритянах («настоящих», «подлинных» критянах), карийцах. Мы видели, что и Гомер отмечает пеструю смесь языков и народов на древнем Крите: среди них он называет «мужественных этеокритян» и «божественных пеласгов». О доисторическом населении свидетельствуют и сохранившиеся у греков географические названия в

роде напр. Парнасс, Гиметт, Коринф, Тиринф,⁷ и что замечательно: подобные названия носят не только местности, горы, но и города, а отсюда можно заключить, что города эти построены не греками. Не говорим уже о некоторых семитических географических названиях Греции (напр. Иордан, Саламин). Кроме того, сохранилась надпись на о. Лемносе, которую принимают за тирренскую или этрусскую, и две надписи в Пресе, на Крите, написанные греческими буквами, но на каком-то неизвестном языке; думают, на языке этеокритян, которые жили в восточной части Крита около Преса.

И вот, когда открыт был прежде неведомый нам мир критско-микенской культуры, то ученые вновь вспомнили о пеласагах и других упомянутых народах, приписывая то одному, то другому из них эту культуру.⁸ Наибольшим успехом пользовалось предположение, указывавшее на карийцев или вообще малоазийскую расу, как носителей эгейской культуры. Еще недавно это мнение можно было считать господствующим.

---

⁷ Окончания подобных слов — негреческие.

⁸ Что касается финикиян, то их роль, как торговцев, мореплавателей и основателей колоний или, точнее, факторий и распространителей культуры в бассейне Средиземного моря, принадлежит более позднему времени, X—VIII в., когда эгейская культура уже пала.

щим. В пользу его говорили и свидетельства греческих историков Геродота и Фукидида о былом господстве карийцев на Эгейском море и на островах, о вытеснении их затем оттуда греками; и упомянутые географические названия, с негреческим окончанием, указывавшие на Малую Азию; и сближения Лабиринта с Зевсом Лабрандийским, имевшим свою принадлежностью двойную секиру, которая так часто встречается и на критских памятниках. Однако в последнее время, главным образом в виду немногочисленности следов эгейской культуры в Малой Азии, в самой Карию, это мнение начинает уступать место другим.

Так, напр., приписывают эгейскую культуру «средиземной расе», иногда считая ее «ливийской», выводя ее из Африки. Другие выводят создателей критско-микенской культуры из Европы западной, северной или средней и даже из пределов нынешней Украины, принимая их за арийцев, предков греков. Последнее находит себе опору в находках в Фессалии, под «микенским» слоем, и в открытии «трипольской культуры». По мнению Э. Р. ф. Штерна, эта неолитическая культура, представляющая некоторые сходные черты с эгейской, не есть отражение последней, возникла не под ее влиянием, наоборот, — она ее первоисточник: культурное движение шло не с юга, а с севера на юг, в пре-

дела будущего греческого Мира, и там, на юге, в районе Эгейского моря, среди более благоприятных условий и под воздействием Востока, культура эта достигла того блестящего развития, какое мы видим на Крите и на почве Греции. Но и это мнение встречает возражения. Если бы принять его, пришлось бы отнести появление греков в районе Эгейского моря к гораздо более раннему времени, нежели это допустимо на основании других наших данных. Загадочным и необъяснимым явится самая гибель критско-микенской культуры, павшей быстро, как бы внезапно, тот резкий, крутой перелом, который обнаруживается в культурной жизни эгейского мира на рубеже двух тысячелетий, в конце первого и в начале второго, когда блестящая, утонченная культура сменяется эпохой варварства «греческого раннего средневековья»: такой перелом, естественно, предполагает какой-то переворот, смену племен, появление новых народов на историческое поприще, разрушающих прежде существовавшую культуру. Что же касается сходства черт в неолитической культуре средней Европы и юго-западной Руси с одной стороны и эгейской с другой, то такое сходство может объясняться не только заимствованием: оно может являться результатом независимого одного от другого, параллельного развития или тем, что обе культуры

имеют один общий источник. Сходные предметы встречаются и в Сузах, в Центральной Азии, в Китае и даже в Америке...

Филистимляне.

Наконец, в последние годы заговорили об известных нам еще из Ветхого Завета филистимлянах, о том, что они имеют отношение к Криту и его культуре, что это — народ эгейский. Дело в том, что среди изображений на небольшом диске, найденном в 1908 г. на о-ве Крите, в Фесте, особенно часто встречается человеческая голова в короне или в шлеме с перьями, и она совершенно соответствует изображению народа Пуласати на египетских памятниках. Пуласати же — это филистимляне. Правда, диск мог быть привезен на Крит из иной какой-либо местности, но на филистимлян имеются и другие указания. В числе тех «морских народов», которые нападали на Египет в начале XII стол. до Р. Хр. при Рамзесе III, называются Пуласати, т. е. филистимляне, наряду с Данона, т. е. данайцами, греками: «Явились Пуласати, Джаккара, грабившие страну. Отборные воины их шли на суше, другие по морю через рукав Нила... Не устояла ни одна страна пред ними...» Родиной филистимлян Библия называет Кафтор, т. е. остров Крит. Пророк Иеремия предвещает (47,4): «Господь разорит филистимлян, остаток острова

Кафтор». У пророка Амоса «Говорит Господь: не Я ли вывел Израиля из земли Египетской и филистимлян из Кафтора». По-видимому, филистимляне вытеснены были с острова Крита и переселились в Палестину; после поражения, нанесенного им египетским фараоном, Рамзесом III, они заняли прибрежную полосу, около Газы и Аскалона, и значительно «осемитились». Все же предметы, находимые в этой области, представляют сходство с эгейскими; керамика сходна с позднеминойской; город филистимлян Газа носил название также и Минои. Известно, какую роль в критской архитектуре играли столпы; вспомним, что та зала, в которой веселились филистимляне и потешались над ослепленным Самсоном, была с колоннами; Самсон сдвинул столпы и здание обрушилось. Любопытно, что Голиаф вооружен, как герои Гомера, в пору раннего средневековья: «медный шлем на голове его; и одет он был в чешуйчатую броню... Медные наколенники на ногах его, и медный щит за плечами его».

Словом, много предположений связывается с критско-микенскою культурой. Пред нами возникает еще много недоумений и загадок. Разрешения их надо ждать тогда, когда разобраны будут пока еще таинственные для нас критские письмена. Быть может, на многое прольют свет и хеттские надписи, найденные

при раскопках в Богазкеое, на берегах Галиса, в центре Малой Азии, где было когда-то царство хеттов, ибо хеттская культура имела, несомненно, точки соприкосновения с культурой критско-микенской. Попытки разобрать эти надписи уже делаются.

Отношение греков к критско-микенской культуре и ее падение.

Но обратимся к другому вопросу: как пала эта первая великая цивилизация Европы? Пала она среди тех переселений греческих племен, одним из которых было вторжение дорян в Пелопоннес. Во II тысячелетии до Р. Хр. происходит движение греков на юг Балканского полуострова, в район Эгейского моря. Движение произошло не сразу, а несколькими волнами. Это было не одно, а ряд переселений, занявший несколько веков: за одной волной шла другая. Вступая в область уже развитой, богатой культуры, греки то подчинялись ей, то наносили ей удары. Одна из первых волн греческих племен, так назыв. ахеяне около середины II тысячелетия заняли Пелопоннес, а затем (приблизительно в 1400—1300) — острова и самый Крит, но подчинились господствующей культуре, усвоили ее себе, наложив на нее некоторый свой отпечаток. Культура продолжала

жить, покорив себе завоевателей, подобно тому, как впоследствии покоренная Греция пленила своего сурового победителя, Рим, или как Рим действовал обаятельно на германских варваров, нередко преклонявшихся пред ним и его цивилизацией. В этом смысле культура второй половины II-го тысячелетия, культура собственно микенская, называется ахейскою. Такое мнение находит себе опору между прочим в том различии, какое замечается в плане дворцов древнейших, критских, и более поздних, микенских, и которое связывают с появлением нового народа — ахейян. Но за первыми волнами последовали другие; явилось наконец (ок. 1100 г.) греческое племя дорян, суровых, воинственных, принесших с собой железо. Их вторжение, как полагают, и положило конец критско-микенской культуре: доряне сокрушили эту культуру, внесли «варваризацию», и настало «греческое средневековье».

В таком приблизительно виде представляется, по господствующему воззрению, падение эгейской культуры. Что в XIII—XII в. в области Эгейского моря совершалось большое движение народов, это видно из египетских памятников того времени. Памятники эти говорят нам, что острова стали беспокойными, что северные народы пришли в движение, что «морские народы» нападали на Египет. И это не были простые на-

беги, а целые переселения: народы двигались и морем, и сушею, с женами и детьми. На повозках, запряженных волами, как изображают те же египетские памятники, напр., филистимлян. В числе «морских народов», нападавших тогда на Египет, оказываются имена ахейн и данайцев, т. е. греческих племен. Итак, с господствующей точки зрения, греки не только не создатели эгейской культуры: они, в лице дорян, ее разрушители. Под их напором падает эта древнейшая цивилизация Европы, но на ее развалинах и на ее почве расцветает потом позднейшая, уже чисто греческая культура, в которую вошли начала и культуры эгейской.

Сравнение с падением Рима и его культуры.

Тут само собою напрашивается сравнение. Ведь, и древний Рим и пышная античная культура пали, не говоря о внутренних причинах, под напором вторгающихся племен — германцев; эти вторжения, движение германцев на юг, основание варварских государств в пределах римской империи и на ее развалинах продолжают целые века, от времен кимбров и тевтонов до времен лангобардов. Там и здесь совершается «переселение народов»; тысячелетняя, богатая и утонченная культура погибает, наступает варваризация, пора «раннего средневековья» и затем новый расцвет куль-

туры, в одном случае греческой, в другом — западно-европейской. Там и здесь прежняя культура погибает не бесследно; и мертвая, она оказывает могущественное влияние: ее наследие живет, ее начала, как основа или как составная часть, входят в культуру, явившуюся ее преемницей.

Словом, наблюдается поразительное подобие между историческими событиями, из которых одно совершалось в восточной части Средиземного моря за тысячу с лишком лет до Р. Хр., а другое — в западной части Европы в первые века нашего летосчисления.

Пособия.

Лучшие общие обзоры эгейской культуры — **Дюсо** на французском языке (2-ое изд.—1914) и **Голля** на английском (1915). Небольшая, но полезная книжка **Лихтенберга** (на немецком языке) об эгейской культуре есть в русском переводе под заглавием: «Доисторическая Греция (Эгейская культура)». Спб. 1913, с предисловием **Б. В. Фармаковского**. Недавно на русском языке вышла популярная брошюра **А. А. Захарова**, Очерк Эгейского мира. Москва. 1918 (в коллекции: «Культурно-бытовые очерки по мировой истории»). Статьи: **Валерия Брюсова**, под заглавием: «Учители учителей. Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение» (в журнале «Летопись», 1917, май — июнь и след.); **В. П. Бузескула**, Древнейшая цивилизация в Европе («Вестник Европы», 1916, август). Подробные указания на имеющиеся пособия по вопросу об эгейской культуре — в его же «Введении в историю Греции». Пттр. 1915, 3-е изд.

Настоящая брошюра содержит в себе названную статью **В. П. Бузескула**, в несколько переработанном виде, для большей доступности, с прибавлением, в начале, главы об открытии троянской и микенской культуры **Шлиманом** и с присоединением рисунков.

Список иллюстраций

1. Расписной саркофаг (гробница).	6
2. Карта Эгейского моря.	22
3. «Парижанка» (фреска в Кноссе).....	35
4. Кошка и фазан.	37
5. «Ваза жнецов».	38
6. Царь или начальник в изображении на вазе.	41
7. Коза с козлятами.	42
8. Ваза «Камарес».....	44
9. Часть изображений на саркофаге.	51
10. Часть диска из Феста (письмена).....	53
11. «Большой клад»	60
12. Сосуд с изображением лица.....	62
13. Львиные ворота.....	68
14. Золотая маска.....	70
15. Золотой идольчик.	71
16. Изображение на клинке.	71
17. Сражение у городской стены.....	73
18. Могильная стела (плита) с изображениями.	75
19. Стены Тиринфа.....	78
20. Ловля быка (фреска в Тиринфе).....	83
21. Травля кабана (фреска в Тиринфе).	86
22. Кефтиец в изображении на египетских памятниках.	101

Соответствие страниц

№	Начинается с	Стр.
3	I. Открытие эгейской культуры.	6
4	письмена и проч., — и пред нами тогда	7
5	что было раньше, знали лишь по преданиям	9
6	того, что значит страстное увлечение наукой	10
7	сотни стихов Гомера и начавший их	12
8	Тут он держался особого способа: переводов	13
9	няться за осуществление еще своей детской	14
10	раскопок, дул резкий северный ветер, нельзя	16
11	— очень древние, — относятся к III тысяче	17
12	В преданиях Микены являются центром	19
13	многих отношениях оказалась ниже действию	20
14	с Дерпфельдом, главным образом в 1884 г.	21
15	II. Крит.	23
16	некотором расстоянии от морского берега	24
17	множеством людей, подвластных его скипетру.	25
18	размерам далеко превосходящее дворец,	27
19	лий из глины), фаянсовых изделий, для выделки	28
20	щения для слуг, кухни, ванны, широким	30
21	Перед дворцом, в северо-западном углу, —	31
22	па?». Другой французский ученый говорит об	32
23	выми губами, с ниспадающими на затылок	33
24	за ручку, а левою придерживает ее снизу; с	36
25	По реализму и выразительности с этими	37

№	Начинается с	Стр.
26	ности работы сравнивают с произведениями	39
27	сцены из мирной жизни; судя по ним, культура	40
28	южном склоне горы Иды. Вазы эти — с	43
29	женские идолы, между ними — изображение	45
30	главная принадлежность быка, следовательно,	46
31	как отдельных зданий, на Крите не найдено:	48
32	теленку. Мужчины обнажены по пояс, ниже	49
33	на плечах у нее коромысло с двумя корзинами	49
34	нающие галоши. Тела покойников клались в	52
35	зеса III. Однако был ли диск этот туземного,	53
36	уже упомянуто, глиняные саркофаги, ларнаки.	55
37	III. Троя.	57
38	Самофраки «лесистой», с которой «мощный	58
39	так называемый «большой клад» (рис. 11	61
40	которого Шлиманом мы уже рассказывали, —	61
41	Этот второй город, ошибочно принятый	62
42	из тесаных камней». В помещении, служившем	64
43	IV. Микены «златообильные» и Тиринф.	66
44	времени: первые, сложенные из неотделанных	67
45	Могины в акрополе и найденные в них	69
46	хищные животные (кошки?), бросающиеся на	69
47	ние; за ними видны здания; на фоне — деревья	72
48	поднятым мечем (рис. 18 [стр. 75]). На одной	74
49	плита из красного порфира, тоже с	76

№	Начинается с	Стр.
50	террас. На самой высокой террасе, на юге,	77
51	сначала по направлению с севера на юг у	79
52	Там же и кресла царицы стоят у огня, и на них	80
53	Медные стены во внутренность шли от порога	82
54	в упомянутой уже ванной комнате, на стене	84
55	критская, тела мужчин — темного цвета,	85
56	эта покрывала верхнюю часть всех четырех стен	85
57	«Микенские» изделия и памятники во многом	88
58	V. Распространенность эгейской культуры.	89
59	утварь в роде троянской. Есть следы критско-	90
60	ческие времена господствовала культура иного	91
61	Трипольская культура	93
62	в том, где родина этой культуры и откуда шло	94
63	VI. Эгейцы и Восток.	96
64	микенских воротах напоминают нам тоже	97
65	посредничество между далеким западом,	98
66	с гордостью называет себя «укрошающим	100
67	пределы, на которые простиралась его власть	102
68	честве правителя северных стран; но власть его	102
69	скою, пока нелегко ответить на вопрос: кто на	104
70	VII. Кому принадлежала и как пала эгейская	106
71	И эта богатая, цветущая культура пала, исчезла	107
72	напр. о пресловутых пеласагах, делегах,	108

№	Начинается с	Стр.
73	зывавшие на Малую Азию; и сближения	110
74	какой-то переворот, смену племен, появление	111
75	филистимляне вытеснены были с острова Крита	113
76	а несколькими волнами. Это было не одно, а	114
77	рем, и сушею, с женами и детьми. На повозках	116
78	Пособия	118